

A man wearing a striped long-sleeved shirt, dark pants, brown boots, and a black cap is shoveling snow in a winter landscape. He is holding a red shovel. The background shows a snow-covered field with bare trees under a clear blue sky.

**А н а т о л и й
Салтыков-Карпов**

**Реактивный идет по
следу**

18+

Анатолий Сергеевич Салтыков-Карпов

Реактивный идет по следу

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64236712

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-97632-0

Аннотация

История, описанная в книге, повествует о героическом подвиге советских трудящихся. Под руководством мудрой правящей партии они в неимоверно трудных условиях всеми возможными средствами создают передовую конкурентоспособную продукцию военного назначения для отражения вражеского происка. Простой матрос Северного Флота является важным героем в этом повествовании. Он неосознанно под воздействием общественно-политических процессов создает поисковый проект для разработки современных вооружений. Ему в этом помогают сотни тысяч советских трудящихся, которые одержимы желанием защитить свою горячо любимую родину, не жалея ни своей, ни чужой крови. В книге представлена беспощадная высокоинтеллектуальная битва спецслужб США и Советского Союза.

Книга написана со слов очевидцев этих событий и представляет собой современную былинку. Имена и фамилии героев изменены и никакого сходства не имеется.

Содержание

Предисловие	5
От слов своих осудишься или оправдаешься	9
Приятные воспоминания согревают	12
Запретный плод необходимо спрятать	15
Вот оно небесное тело! Нарушение устава	18
Защита родного отечества любыми средствами	21
Собрать улики во чтобы то не стало	25
Вот оно знаменательное событие	29
Героический сон советского моряка	31
Хорошо когда друзья рядом	36
Всегда для каждого есть страшный суд	40
Многие хотят быть детективами	44
Самое главное это плотный завтрак	49
Встреча с НЛЮ как встреча в мавзолее	52
Советы друзей в стране Советов	57
А вот он и фитиль	59
А жизнь продолжается	62
Всегда имеются некоторые особенности службы	65
Что то выявляется правдивое	70
Немного одиночества и тоски	74
Советы бывалого	76
И на флотах есть инакомыслящие	79
На гауптвахте сперва встречают по одежке	83

А друзья уехали на задание	85
Деловые встречи с буржуйским миром	89
Иной мир иные отношения. Право винчестера или калашникова	94
Родина мать на подвиг зовет, но есть проблемы	98
На гауптвахту только по благу	101
Первый день на гауптвахте	106
Первое задание для арестанта	111
Постель для полета	113
Бармалей всегда в строю	115
Встреча с куратором	117
Развод арестантов на работы	120
Первый рабочий день арестанта	124
Встреча с дядей Васей из КГБ	127
Контроль и бдительность	131
Даже в КГБ нужен блат	137
В камере одиночке	140
Женщину-разведчицу невозможно разоблачить	144
Надо хоть что-то взять на память о великой родине	147
Для анализа надо использовать все	151
Заграница поможет	155
Бывших чекистов не бывает	157
Конец ознакомительного фрагмента.	159

Анатолий

Салтыков-Карпов

Реактивный идет по следу

Предисловие

В настоящее время вскрывается много из того, что в период Советской власти было тайным. Свободная и независимая демократическая пресса постоянно выискивает в архивах и выпрашивает у свидетелей и очевидцев те крохи того, что реально создавало костяк нации советских людей. Кроме журналистов-профессионалов появилось огромное количество доморощенных следопытов, которые также бросились на поиски затерянных следов неизвестных героев. Кроме того развитие конкуренции в определении исторической истины в разработках, исследованиях и иных творческих процессах заставляет усомниться во множестве различных газетных публикаций. Нужно учитывать, что новейшие разработки создаются в результате рождения глобальной идеи в голове одной творческой личности, которая потом как искорка передается другому такому же творческому человеку и т. д. Таким образом из искр возгорается пламя, которое как активная энергия или может все спалить дотла или при разум-

ном ее использовании, как энергию атома можно применить весьма прибыльно в мирных целях с выгодой для родного Отечества. При этом очень часто не учитываются вопросы выживаемости творческой личности в обществе, в котором сильны власть, мнение большинства и влияние командно-административного сознания. В данной повести описываются события, которые вроде были на первом этапе были не особенно приметными, но в целом они привели к формированию мощного научно-технического направления в разработке национальных высокоэффективных средств военной техники.

Обычно в истории мы видим вождей и иных крупных деятелей в виде членов правительств, крупных ученых, знаменитых разведчиков. Но эти личности единичны, так как все главное исходит от мудрости народа, от его частицы.

В данной истории этот творческий подвиг совершает простой матрос Валя Хлызов, который и сам того не подозревая совершает нечто, что заставляет трепетать Империи, переворачивает огромные пласты разработок в различных областях промышленности. И это делает незаметный герой-труженник – простой советский матрос Валя Хлызов. Но так как существует инерционность в определении истины, связанная с абсолютной секретностью работ, то естественно это открылось только в данный период. Использование архивных материалов, проведение доверительных бесед с бывшими сотрудниками КГБ и ЦРУ привело к тому, что по крупинкам

была собрана настоящая правда о Великом человеке. В результате этого стало возможным найти истинного «виновника» того, как Советский Союз в очередной раз сдержал проiski империалистических агрессоров, благодаря скромному советскому матросу. Один из его близких друзей, проанализировав ситуацию и, сравнив полученные факты, выявил и определил своего товарища по флотской службе как настоящего героя. Хотя этот герой, как это часто бывало в советской истории и оказался незаслуженно забыт, но в конце концов это и не важно. Забывчивость о настоящих героях – это характерная национальная черта и для советской и российской действительности. Важно то что он как русский человек смог показать всему миру способность советских людей проявить творческую гениальность и показать высокую конкурентоспособность. При этом нужно учитывать, что всегда и в Советском Союзе и в современной России творческие личности испытывали страдания и непонимание. На них часто обрушивалась незаслуженная критика. И это все Валя Хлызов вынес мужественно. Естественно он в итоге ничего не получил, так как, приводя слова из песни Владимира Высоцкого, можно сказать, что "ему (начальникам) награды и два ордена, а он от радости все бил по морде нам". Что кстати говоря и произошло на самом деле не только с Валькой Хлызовым, но и со множеством таких же честных простых советских людей, благодаря которым все еще держится вся эта махина Великая Россия.

События описанные в данной книге являются реальными, но по вполне понятным причинам фамилии героев изменены, так как многие из них все еще несут нелегкую секретную службу, не только в России, но и за рубежом.

От слов своих осудишься или оправдаешься

Матрос Дважды Краснознаменного Северного флота Валька Хлызов торопился к вечерней поверке.

Он опоздал на сутки из отпуска и понимал, что это является воинским преступлением. И сейчас уже находясь в самовольной отлучке, а скорее в дезертирах он представлял, что ему будет за это. Но мысли его переносились от тепла домашнего очага к военным проблемам и все это как-то не так явственно представлялось в мрачном свете. Но он понимал, что надо что-то придумать так как только веские доводы могли помочь ему выпутаться из создавшегося положения.

Конечно ссылка на то, что он не смог вылететь не является существенным доводом для оправдания. Все советские люди понимали, что те десять суток для побывки на родине после двух лет службы в Заполярье конечно капля в море той свободы, которая необходима для молодца. Поэтому все моряки обычно выписывали себе отпуск в такие места СССР, которые были очень далеки и можно было бы добираться до них месяцами. Но конечно в рамках разумного это в воинской части понимали. Начальство, морякам которые служили без замечаний, обычно давало пару недель сверх нормы. Поэтому матросов отпускали в такие места, до кото-

рых можно было бы доехать на поезде. Неделю туда и неделю обратно и таким образом получался двадцатичетырехдневный отпуск. Только для этого необходимо было выбрать время между попойками и радостными встречами и слетать в то самое далекое место, где и нужно было бы отметитья в местном военкомате. Валька выбрал Сочи. И там сутки, потомившись на аэровокзале и получив долгожданный штамп в отпускном удостоверении, он вроде бы и мог гульнуть основательно. Что он и сделал. Как всегда это бывает у россиян в последний день он выскочил сопровождаемый родными в аэропорт, то оказалось что заснеженный и буранистый порт там в Заполярье не принимает. Поэтому ему пришлось ждать сутки, чтобы попасть, в место назначения. И теперь ему нужно было расплачиваться за все им содеянное, так как он знал, что какие бы он оправдания не искал, все равно ему прощения не будет ни от начальства, ни тем более от своих товарищей по службе. Так как после этого случая наверняка начальство использует этот козырь для ужесточения дисциплины, урезания отпусков и прочих мер воздействия на личный состав.

И чтобы все это отмыть и облагородить он должен во что бы то ни стало придумать нечто из рук вон выходящее, выходящее из пределов понимания советского человека...

На какой-то миг он остановился, напрягся и мысленно сосредоточившись, сказал сам себе с ожесточением и усилием: "Ну Валька думай и думай основательно".

Что-то хрустнуло у него в голове и он на какой-то миг даже потерял сознание...

Когда он очнулся, то неожиданно почувствовал себя совершенно другим человеком.

Приятные воспоминания согревают

Холодный ветер обдувал его раскрасневшееся лицо и слегка охлаждал. Он пружинисто топал ногами по плотному снегу и все думал и вспоминал, о том, что ему удалось в дни отпуска получить дома. Но уже постепенно эти мысли и горечь от расставания с родными и близкими уходила и его опять тянуло в тот свой дом, которым он называл свою казарму.

Вот уже видны огоньки казармы. Там почти в домашнем тепле и уюте его верные корефаны ждут его пришествия как господ Бога. Они отметили в свои календариках, что в такой-то час в команду войдет их верный корефан Валька Хлызов и наделит каждого гостницами, которые ему передадут их родные. Кроме того уже по ранее заведенной традиции моряки тесными дружескими группами тайно собирались в позднее время после отбоя в подвале, который прозвали "Кабачок 12 тумбочек". Там хранилось множество различных устаревших и списанных и не списанных вещей и предметов. Никто толком не знал, что там копилось в этом огромном подвальном помещении. Но только одно было абсолютно точно известно, что там было 12 тумбочек. Все оказалось на самом деле просто. Столы были в дефиците, а многие мо-

ряки испытывали трудности при распитии и закусывании и всем хотелось посидеть как нормальным людям, а не так чтобы где-то стоя в приспешку. На старых и проржавевших железных кроватях было неудобно сидеть в полоборота. Кроме того кровати скрипели и проминались. Стаканы расплескивались, бутылки скатывались. Это создавало нервную обстановку. Поэтому для составления праздничного круглого стола использовались тумбочки и табуретки. Таким образом было сосчитано точное число сохранившихся тумбочек. Тем более, что число как-то соответствовало теплым воспоминаниям о гражданке. Тринадцать стульев, Кабачок 13 стульев.

Поэтому советские моряки имели маленький кусочек той тайной внеслужебной, вневоенной свободы, который их возвращал в тот другой отличный от нынешнего положения мир и дарил свою тихую ночную радость от этого бессонного бдения.

Вся казарма и все остальные возрастные группы военнослужащих в это время спали своим крепким военно-морским сном. Естественно им всем мерещился не враг-империалист, а мир, который они покинули. Моряки, прослужившие пару лет и старше думали о гражданке и будущем. Моряки, собиравшиеся в кабачке выпивали разные коктейли. и вели непрерывные беседы о ДМБ и том, что их ожидает в светлом гражданском будущем.

От одного этого, как у честного коммуниста перед началом партийного собрания возникает ощущение величе-

ственности и значимости предстоящей встречи, он прибавил шаг.

Мысли у него радостно скакали как горные козлы по кручам. Он мысленно в голове составлял будущую праздничную речь, которую он непременно пока еще трезвый произнесет перед друзьями. Потом, выпив по первому стакану и плотно закусив своими гражданскими припасами, а также заранее приготовленными явствами в виде жареной на военно-морском противне на камбузе картошкой, они тихо споют свою любимую, ставшую как национальный гимн годков, песню: "А по ночам все снится любимая столица и девушка любимая во сне..."

Запретный плод необходимо спрятать

Вдруг резко всплыла мысль, о которой он один раз там дома подумал между двумя пропущенными стаканами водки, но после каждого возлияния она от у него куда-то уходила, потому, что для гражданских свобод она была неестественна и там думать о ней было противно и аморально.

Эта мысль была о тех двух литровых бутылках водки, которые нужно было выдать своим друзьям. Они лежали в его сумке.

Конечно, когда он войдет в команду, то старшина команды непременно воспользуется и пересмотрит все его вещевое содержание и непременно конфискует водку. А этого естественно допустить нельзя.

– Куда бы их временно положить? – остановившись, подумал Валька.

Он оглянулся вокруг. Как назло только голая слегка припорошенная снегом земля и голый забор. Все как в закрытой воинской части вычищено, подметено и ничего не спрятать. А всего то нужно сохранить только на пару часов. А там после отбоя они выскочат и даже, если будет снег, то все перероют, и непременно найдут.

Правда в прошлый раз, вот также возвращался Карпов из

отпуска и вот также положил в снегу. И пока там балдели на припасенное, и потом побежали искать, то и снега навалило, да и изрядно захмелевший Карпуха забыл, где положил и пришлось с лопатами несколько часов разгрести и искать. Но все таки нашли ее любимую. И уже протрезвевшим, она промерзшая, конечно же пригодилась.

– За поворотом есть старая команда, правда полуразвалившаяся. Там пожалуй и спрячу – решил он.

Валька свернул в сторону и отклонившись от основного маршрута побежал к полуразвалившейся одноэтажной казарме с разбитыми окнами. От нее остался только один остов. Но этого было достаточно, что бы там положить на время пару бутылей. Валька вошел в нее через дверной проем и подойдя к углу нагнулся и стал расстегивать сумку. Он быстренько перебрал вещи и вынул оттуда две бутылки. Положив их в угол, он набрал тряпок, которые были разбросаны в команде, и прикрыл ими свое богатство.

– Ну вот и все – решил он – Так теперь никто не заметит. Да и кто сейчас сюда придет. Рядом на десятки километров никого нет, кроме своих из казармы. Да и те то сейчас готовятся ко сну. И ни у кого нет желания выскакивать из теплой комнаты и носиться по холодному воздуху.

Он повернулся, чтобы выйти из команды, как увидел, как перед смотровой площадкой для строевых построений прямо перед выходом образовалось светлое пятно, исходящее прямо с неба, и послышался легкий ровный рокот. Валька

слегка выглянул и онемел от изумления.

Вот оно небесное тело!

Нарушение устава

Прямо с неба на площадку плавно спускался неопределенной формы аппарат. Из его днища вырывался мощный источник света.

– НЛО!!!! – в ужасе мелькнула мысль у матроса Хлызова.

– Вот бы это все как-нибудь захватить. – Правда хорошо бы его не захватили. А то его друзья и не смогут найти бутылки. Воспоминание о бутылках, об этом явлении передалось таким нервным напряжением, что затряслись руки. Мысли стали лихорадочно прыгать в голове до тех пор, пока одна, историческая, ставшая традиционной, по всей видимости исходящей из самых глубин подсознания и переданная генетически от многих поколений, не остановилась твердо в голове и стала такой же руководящей для него как и генеральная линия Партии.

– Надо выпить. И в честь этого великого события и для расслабления – подумал он.

Во рту скопилась слюна. Да и ему хотелось также слегка выпить. В горле пересохло от волнения. Он подбежал к углу и, вынув бутылку, отвинтил крышку и стал жадно глотать огненную жидкость, стараясь слегка прийти в себя. Отпив, как пьется холодный лимонад в жаркий летний день, он по-

чувствовал некоторое раскаяние от того, что не смог сдержаться и таким образом привел себя в неуставное нетрезвое состояние. Но было поздно, алкагольная огненная жидкость приятно разливалась по его пищеводу, наполняя все его тело приятным расслабляющим действием.

– Ну ничего, после того, что мне пришлось увидеть и пережить меня наверняка все советские люди поймут-решил Валька – Все таки в Советском Союзе народ соображает кое в чем и его конечно же поймут. Так бы каждый советский человек поступил на его месте.

Он опять осторожно подошел к дверному проему и убедился в том, что это не сон.

На белеющем в вечерних сумерках снегу стоял огромных размеров аппарат похожий на самолет. Около него копошились два существа в серебристых комбинезонах, в скафандрах и, шевеля щупальцами, что-то делали под его брюхом.

– Наверное что-то сломалось у них. То же видать у инопланетян с техникой слабовато, подводит. Как жаль, что не взял свой фотоаппарат, а то бы сфотографировал. Ведь никто не поверит. Подумают, что набрехал. Как жаль, что вот такой боевой матрос комсомолец Валька Хлызов не смог добыть для любимой Родины такое нужное оборудование и языков. А если бы еще и сговорились бы с инопланетянами, то могли бы сообща и капиталистов усмирить. Наверняка там у них в межпланетном пространстве уже давно коммунизм построен. И тогда бы и у нас коммунизм гордо зашагал

по всей бы планете. И это было бы сделано благодаря героическому подвигу Вальки Хлызова.

– А что! – завертелось в хмельной буйной головушке Вальки. – Надо взять их в плен! Что это они по нашей родной земле ходят? Нужно их арестовать!

Он же все таки как никак военнослужащий. Они же нарушили государственную границу его горячо любимой Родины и естественно ему как верному защитнику надо их арестовать.

Он опять протянул руку в угол и, вынув бутылку, еще хлебнул и при этом основательно. Огненная жидкость как спасительная микстура потекла внутри и еще усилила его желание. Мысль о взятии инопланетян в плен окончательно окрепла в его голове.

– Вот только бы надо было бы какое-нибудь оружие найти.

Качаясь, Валька подошел к остаткам водопроводной системы и стал выдирать кусок водопроводной трубы, который торчал из радиатора. Но обрезок не освобождался. Валька озлоблялся от того, что эта штуковина не отламывалась и от того, что эти инопланетяне могли уйти от его преследования.

В ожесточении он тряс и труба по всей видимости стала поддаваться. Наконец он оторвал трубу от радиатора и в тот же миг с шумом радиатор упал на пол и придавил Вальку. На какой-то миг Валька потерял сознание.

Защита родного отечества любыми средствами

Он очнулся от того, что кто-то трепал его по лицу. Валька открыл глаза и ужас замер у него в голове. Прямо перед ним склонились две светящиеся головы. Они внимательно рассматривали его. Радиатор, который был ранее на нем теперь лежал в стороне. Только его рука по-прежнему сжимала отрезок водопроводной трубы.

– Ну все! Сейчас они меня наверняка возьмут к себе для проведения каких-нибудь опытов. Сперва мочу и кал на анализ, а потом руки, ноги, печень, яйца и его любимый пенис. А кому он потом будет нужен без него. Может быть они еще и людьми питаются. Ведь вон сколько советских людей за годы Советской власти бесследно пропали. Все это правильно говорит наша Мудрая коммунистическая партия, что это происки инопланетян и империалистов.

– Нет меня они не возьмут. Да и меня кореша ждут в казарме. Да и сам я должен успеть к вечерней поверке.

Валька собрался с силами и, извернувшись, поднял руку и ударил со всей силой по скафандру, рядом стоящего инопланетянина отрезком водопроводной трубы.

Раздался громкий стук треснувшего скафандра.

– Ну вот сейчас будет воздух или еще какая-то смесь вы-

ходить из скафандра этого, а я успею и второго захватить. А потом естественно при таком раскладе я передам стране двух инопланетян и еще впридачу новейший летательный аппарат, который потом наши советские ученые переделают под национальную летающую крепость. И тогда всепобеждающее учение будет действительно всесильно. А мне может быть награду дадут орден или медаль. А то возможно еще и в отпуск дополнительный отпустят. Но то, что страна и правительство поллитрой за такое дело не отделаются то это точно – решил Валька.

Но инопланетянин резко оттолкнул руку нанесенную для второго удара и, подняв ее на уровне головы, направил на Вальку странный продолговатый аппарат. Этот аппарат издал шипящий звук и выпустил на Вальку струю неизвестной водянисто-газовой смеси. Вальку обдало смесью странных газов, от которых он зачихал и закашлял. Почему-то мелькнула мысль о недавно пройденных занятиях по химическим средствам поражения. Но он удержался и не стал падать, а даже наоборот стал сосредотачиваться.

Валька вдруг понял, что он сейчас несет ответственность, хотя его никто на это не уполномочивал, не просто как матрос Краснознаменного Северного флота Советского Союза, а как цивилизованный человек Земли. Поэтому в этот миг контактирования с существами с других планет ему нельзя терять своего человеческого достоинства перед лицом неизвестной внешности с неизвестной планеты.

А тот все пускал и пускал на него свои пары. Валька вдруг неожиданно вспомнил кинофильм про коммуниста, который также как и он шел на врага, а тот строчил и строчил из пулемета. Вроде у коммуниста и была вся грудь изрешечена вражескими пулями, но нечто всепобеждающее и почти вечное и бессмертное исходило из его души и заставляло активно действовать во имя Великой Родины и победы. Также неожиданно и Валька почувствовал эту странную связь времен своего славного исторического прошлого и, почувствовав небывалый прилив сил, пошел на врагов, пускай они даже и с другой планеты.

А тот второй уже очнулся и, также вытащив свой такой же аппарат, стал на него пшикать.

И Валька бесстрашно шел на них, окутанный густыми клубами, по всей видимости ядовитого газа.

– Ну ничего я еще смогу продержаться. Но пускай эти космические дурики не думают, что можно так просто сломать советского матроса. Пускай они не думают, что тут на Земле одни слабаки и мы умеем постоять за Землю-матушку.

Но его качало, так как алкоголь, который благотворно разлился по всему телу и отсутствие закуски и еще эти пакости с трубой и этими ядовитыми газами давали себя знать. Поэтому он уже не мог догнать тех. Они подбежали к своему аппарату впрыгнули в него и запустили двигатели, готовясь к взлету.

Валька, качаясь подбежал к месту посадки и уже хотел бы-

ло схватиться за выступ чтобы притормозить космическую машину, так как чувствовал в себе небывалый прилив сил, но подскользнулся и упал сильно ударившись коленкой о ледяную землю.

Острая боль пронзила все его тело.

Он катался по полю и орал, от боли и от обиды, видя как над ним плавно поднимается и уходит от преследования инопланетный корабль.

Собрать улики во чтобы то не стало

– Как жаль! Как жаль! Мог их взять. Арестовать и вот бы было действительно эпохальное событие.

От боли он слегка протрезвел и отдышался от смрада, которым его обильно поливали инопланетяне. От внимательно все вокруг осмотрел и решил собрать хоть какие-нибудь вещественные доказательства.

Рядом с собой он увидел странный предмет. Он был похож на листья дерева с толстой кожурой. Валька его поднял и понюхал. Запах был странный и необычайный. Вот на чем он подскользнулся? Это они же выбросили. Ну ничего наши ботаники наверное помогут выяснить и найти какие-нибудь новые клетки и еще чего-нибудь необычное для нашей планеты. Важно то, что наверняка они смогут доказать, что таких растений не может быть в земной цивилизации и тогда это действительно существенное доказательство.

Потом он увидел на белом снегу темные пятна.

– Это наверное следы от топлива. Видать также что-то течет или могли пописать. Все равно надо бы и это собрать. Но куда?

Он тут же вспомнил, что оставил недопитую бутылку в углу казармы. Он поковылял, хромя туда и нашел бутылки.

Все это он забрал. Непочатую бутылку он положил на дно своей походной сумки, а вторую, подойдя в месту стоянки НЛО, допил. И стал аккуратно собирать в нее мокрый снег с остатками темного топлива.

Далее Валька помнит все смутно и какими-то урывками.

Ему стало как-то необыкновенно хорошо, от того, что он сделал такое-то огромное и важное дело. Ему действительно виделось и казалось, что он теперь уже почти национальный герой. Он шел, шатаясь как матрос на палубе во время сильного шторма. Скорее всего его сильно кидало от одного борта к другому. Наконец Валька подошел к команде, которая манила его своими яркими светлыми и радостными огнями, как разукрашенный корабль во время всенародного революционного праздника. Он предвкушал то, что сейчас войдет и будет рассказывать и рассказывать. А все его друзья соберутся и будут ему внимать и охать и ахать от того, что ему такому счастливику так несказанно повезло.

А завтра его потащат к командиру части и тот усадит его около своего широкого командирского стола и он все ему расскажет. Потом придет начальник особого отдела и другие офицеры и он им будет рассказывать. И все они сразу поверят ему и станут строчить докладные в вышестоящие. Вышестоящие его непременно призовут и он будет возможно весь остаток срочной службы ходить, ездить и рассказывать. Потом его непременно повезут в академию наук и там дотошные советские ученые будут его там расспрашивать и

исследовать. Может быть он подвергся неизвестному и опасному излучению и его надо будет подлечить. Возможно даже его подвергнут тщательному гипнозу, чтобы убедиться в том, что он не врет. Даже не это, а самое главное, чтобы извлечь из его памяти все мельчайшие подробности того контакта в внеземной цивилизацией. Но Валька то точно знал, что он не врет, так как сам все видел и был непосредственным участником событий главным героем.

Вот и долгожданные ворота. Валька понатужился, но они, которые были когда-то такие широкие вдруг почему-то сузились и оказались маленькими. Валька несколько раз старался войти, но все время натыкался на столбы. Наконец собравшись с остатками своей трезвой силы воли, он внимательно присмотрелся к середине и, стараясь не промазать, с силой прыгнул внутрь казарменного дворика. И сразу повалился в грязный от постоянного топтания снег.

– Наконец-то я дома – радостно подумал Валька, глядя в темное звездное небо. Но почерневший снег и кроме того уже подтаявший неприятно намокал на спине и проникал в его теплое тело. Он понял, что надо идти дальше.

Он сосредоточился, так как сразу же вспомнил, что самое главное по прибытии надо четко выговорить слова рапорта о благополучном прибытии из очередного отпуска.

Он мысленно повторял, ворочая многопудовым языком, слова рапорта:

"Товарищ мичман! Матрос Хлызов из очередного отпуска

прибыл. Замечаний и нарушений во время отпуска не было."

А там можно было бы после этого выйти из кабинета и тут же повалиться в изнеможении от того, что важное дело сделано. В этом он уже получил некоторую закалку как и другие его товарищи, приходя подвыпившими из увольнений.

Вот оно знаменательное событие

С трудом открыв широкую дверь команды, он вошел в зал. Перед ним стояли стройные ряды моряков, которые начали проводить вечернюю поверку.

Но Валька совершенно забыл об этом и решил, что это построение уже для него. Что его уже чествуют, так как всем уже известно о том, что произошло. Что его встреча с инопланетянами уже наверняка обсуждается где-то там в верхах.

– Здравствуйте моряки – сказал он, как ему казалось четким командирским голосом. Как адмирал он вытянул правую руку под козырек, немного отставив в сторону и наклонив немного голову. Его слегка штормило и поэтому он не смог выдержать этого момента.

Из его бормотания никто ничего не мог понять. Так как язык онемел и только его голова продолжала чего-то пытаться соображать в рамках доступного.

Прямо на него глянуло лицо удивленного старшины команды мичмана Шпака, который вытаращив свои усища и глазища изумленно смотрел на него и не знал, что сказать. Дежурный по команде, только что недавно прибывший в часть молодой офицер из университетских выпускников также стоял и молча взирал на все это.

Вечерняя поверка сорвалась. От тепла команды его разморило и далее он помнит все смутно, неясно и урывками.

Яркий свет команды, радостные лица ребят, себя размахивающего бутылкой с топливом от инопланетного корабля и все это плывет в тумане.

Он видит как друзья берут его на руки как героя и бережно несут к его кровати. Его закадычный друг Карпуха раздевает и бережно укладывает в кровать. А он все рассказывает и рассказывает. Потом все это проваливается и ему снится сон.

Героический сон советского моряка

Вокруг разрывы снарядов и ужасающий грохот. Это инопланетяне пытаются задержать бесстрашного советского моряка Вальку Хлызова, который с обрезком водопроводной трубы, который почему-то превратился в ручной пулемет идет в атаку на инопланетный корабль. Валька смело идет и пули так и летят вокруг него. Но они почему-то его не задевают. Да и сам Валька не чувствует ни страха, ни каких-либо сомнений в правоте своего дела. В его ушах слышны какие-то крики: "За Родину! За Сталина!"

И почему-то звучат слова песни, от которой у него идет мороз по коже: "Вставай страна огромная, Вставай на смертный бой!"

Но Валька думает только об одном чтобы продержаться немного. Там наверняка на поддержку придут его верные кореша. От сильного удара в грудь он падает и сильно ударяется об мерзлую землю.

Это пьяный матрос Хлызов свалился с кровати и ударился головой о пол.

– Во смотри как даже на кровати не удерживается – воскликнул Рывкин, еле пережевывая бутерброд. – надо бы его поднять, а то на полу может простудиться.

Около кровати спящего Вальки собрались его друзья, которые на стоящем рядом столе разложили все привезенные Валькой съестные припасы и устроили чаепитие.

– Это опасно – возразил Генка Зубрилин, разрезая огромный флотский батон вдоль и обкладывая его внутренности толстыми кусками сала. – Мы его положим, а он опять бухнетя и не дай бог еще об ножку кровати ударится. Ему лучше лежать на полу. Я вот однажды видел как один моряк напился в купе поезда Ленинград-Мурманск. Мы положили на вторую полку, а он как упадет оттуда. Мы его опять. И так пять раз. Вы себе не представляете как это было тяжело пять раз такого здорового мужика затаскивать на вторую полку.

– Так чего же вы на первую его не положили?

– Да ты что! На первой годки спали. Они тогда сказали: "Ни за что. Раз молодой значит должен наверху спать". И кстати говоря сами его туда и затаскивали. Это все равно, что секретарю обкома партии или нашему адмиралу ехать в общем вагоне.

– Давайте все равно положим. Тем более, что сейчас его продукты поедаем.

– А что в этом такого. Он же сам сказал, когда отключался: "Корифаны это все вам".

– Да это были его последние слова. Я едва успел его подхватить. А то бы точно свою головушку разбил.

Поскочившие друзья, Вальку бережно подняли и уложили обратно в постель.

Прерванный сон Вальки продолжился, со сменившейся тематикой. Теперь все было более миролюбивее. Он в рубке инопланетного корабля. Инопланетяне мурлыкают какими-то странными словами. На пультах перемигиваются разноцветные лампочки. Инопланетяне с круглыми и лысыми головами, с широкопоставленными глазами, диаметром как дно граненого стакана, постоянно показывают ему и что-то говорят. Но Валька ничего не понимает, так как чувствует, что он настолько сильно устал, что хочет спать. И хотя он видит в иллюминатор, что его родная голубая планета Земля удаляется с каждой минутой от него, он даже не чувствует никаких признаков надвигающейся ностальгии.

– Даже как то странно – подумал Валька – вот сейчас меня увезут черте знает куда и все. Прощай маманя. Прощай Родина! Прощайте друзья и я никогда уже не увижу землю. Правда что меня тут ждет. За пьянку так все равно сидеть на губе, да и потом это черное пятно на всю оставшуюся до конца службы жизнь будут склонять на всяких собраниях. А так глядишь посмотрю как другие живут. А то живем тут в такой стране, что весь мир можем увидеть только через черно-белое очко телевизора да и в телепередачах " Клуб путешественников" и "В мире животных". Правда говорят, что уже какой-то из наших бывших белогвардейцев изобрел в Америке цветной телевизор. Странно, что у нас не могут изобретать. Обязательно нужно туда подаваться. Ну ничего завоюем Америку, так все они у нас пощады будут просить.

Видел телепередачи "В странах Капитала", "Их быт и нравы", " Мир обреченных и загнивающих".

Так что все известно. Уже надоело. Буду уж где то там на какой-нибудь планете куковать как диковинное существо. Живут же иностранцы у нас в стране почти как короли. Следовательно и я могу даже приврать, что есть, например, такие продукты без которых мне не выжить. Или обязательно нужно любить для укрепления здоровья несколько женщин. Так сказать создать инопланетный гарем. Что им стоит для меня утащить несколько хорошеньких женщин. Потом желательно, чтобы в день поставляли по бутылочке коньячка и обязательно закусок хорошеньких. Если не смогут, то могу и сам нагнать. Правда и тут могут со мной поступить также как там на Западе.

У Вальки спина покрылась холодным потом.

– Как же это я не догадался. Меня же разберут на кусочки или заставят трахаться с какими-нибудь инопланетными бабенками. Чтобы изменить или улучшить ихнюю расу. Правда все это тоже интересно. Как там у них это дело поставлено.

Это Вальку как-то более заинтересовало, особенно после того, как один из инопланетян выдвинул какой-то ящичек и вынул оттуда коробку, от верха которой оторвал крышку и дал ему. Валька отпил жидкость. Ему она понравилась. Она чем-то напоминала разбавленную водку. Но только слабенькую. Валька вспомнил, что эту жидкость действительно лил ему в рот инопланетянин, когда он лежал на земле, придав-

ленный радиатором.

Эти оба закивали одобрительно головами и Валька расслабился. И опять провалился.

Хорошо когда друзья рядом

Валька во сне чмокал губами, как будто пил жидкость.

– Смотри-ка! – воскликнул Абдулаев – все еще не напился и даже во сне пьет.

– А что ему еще делать – согласился Зубрилин, наливая в кружку технический спирт синеватого цвета.

– Это откуда у тебя такой? – спросил Карпуха – Ты же можешь отравиться?

– Да это мы на одном корабле за ремонт гидроакустической станции получили. Там старшина службы РТС придурок. Он сам в обществе трезвости состоит, у него чего то с печенью. Поэтому наверное от злости, что уже отпил свое и чтобы матросы не выпивали спирт, который дается для протирки он туда добавляет разные красители. Вот в этот влил фиолетовые чернила. Прошлый раз вливал красные, до этого зеленые, потом черные. Все зависит от того, какие на складе дают чернила. Конечно больше всего было красных, их можно использовать и для рисования различных плакатов и стенгазет и для подкрашивания. Я когда вошел на корабль, так мне страшно стало. Все матросы разноцветные. Идешь по палубе, а навстречу тебе то зеленые, то фиолетовые, то красные, то черные. Это оказывается у них пигментация кожи идет от того, что они выпивают такой спирт и окрашиваются. Даже как-то жутковато было. Как будто какой-то фильм

ужасов или загробный мир. Это, кстати говоря, потом я видел в американских кинофильмах, как солдаты морской пехоты перед учениями себя разными красками и гуталином мазюкали для устрашения, наверное с нас опять передрали. Коробка то эта в международных водах ходит и с американскими кораблями встречается.

– Конечно же с нас передрали. Хотя могут сказать, что это все содрали с воинственной окраски индейцев. Но я в это не верю, так как они там всех их и перебили при завоевании Америки, а теперь о демократии говорят.

– Вот также и мы, когда всех врагов советской власти перебьем тогда и заживем. – воскликнул с энтузиазмом комсомолец-будущий член партии Кривошеев. Но собравшиеся в комнате моряки его почему-то не поддержали, так как часто видели, как он заглядывал для политических доверительных бесед к замполиту. И было многими замечено, что почему то после этих встреч замполиту становилось много известно и затем следовали оргвыводы по личному составу, в виде разжалований, расследований и т. п.

– Жаль конечно, что у Вальки отобрали литровую бутылку. Можно было бы порадоваться – огорченно проговорил Карпуха, не вникая в политические дискуссии.

– Да не расстраивайся. Вон бери с меня пример – сказал слегка фиолетовый Зубрилин и залпом выпил стакан.

– Ладно давай наливай – согласился Карпуха и протянул кружку.

Генка вынул из под кровати флягу и налили в кружку.

– Ты особо не нюхай. А лучше всего сразу залпом. – посоветовал Зубрилин.

Карпуха зажмурился, чтобы не видеть синее дно белой кружки и опрокинул стакан.

Холодеющая душу жидкость булькнула и упала вниз. Карпуха бросился сразу закусывать.

– Ну как коктейль? – спросил Зубрилин.

– Такое ощущение как было в детстве. Когда случайно выпил чернил – ответил Карпуха, слегка содрогаясь. Даже знобить стало.

– Ничего. Это с непривычки. А как допьём эту флягу, то тогда и привыкнешь.

– А если мы станем фиолетовыми, – возразил Рывкин. – Мне вот надо будет самому через неделю в отпуск ехать, так каково моим родственникам. Матрос с Северного флота, как будто негр. Старики испугаются.

– Так это же и хорошо – возразил Зубрилин – скажешь всем, что ходил в Средиземку, сражался с империалистами в нейтральных водах около экватора и загорел. А фиолетовые это реальное подтверждение.

– Так негры то все черные и загар все таки имеет другие цвета – Не унимался Рывкин.

– Так ты лучше все это объясняй тем, что этот то загар военно-морской. Все дело в том, что люди обычно видят как загорают гражданские люди. А надо учитывать, что есть осо-

бенности между гражданским и военно-морским загаром. Примерно как приемка гражданская и военная. Это же совершенно разные вещи.

– Ну ладно уговорил – согласился Рывкин-Давай еще наливай по одной за приезд Вальки.

Все налили чокнулись и выпили.

– Пора расходиться. А то завтра наверное нашего корефана надо будет провожать на судилище. Наверное ему тут все припомнят. Его свободолюбивые мысли, высказывания, дерзость с замполитом.

– Конечно без этого ему уже не обойтись. Суток десять-пятнадцать обеспечено. И черт его дернул идти. Мог бы подождать.

– Бывает невтерпеж. Видать торопился к нам. Соскучился. Настоящий корефан. Считай ради нас пострадал.

Моряки посочувствовали, подошли к кровати, на которой спал мертвецким сном Валька. Рывкин наклонился и заботливо подоткнул край одеяла. Потом закрыл оголенную волосатую Валькину ногу с рваным носком, из которого торчало несколько больших пальцев. Потом он поправил подушку. Моряки погасили свет и бесшумно вышли из комнаты.

Всегда для каждого есть страшный суд

Где-то сверху раздался длинный протяжный гудок. Понеслось топот сапог.

– Опять! Доколе же? – подумал Валька и открыл глаза.

Вокруг него все пространство шевелилось и мелькало своими оголенными телами. Подъем. Валька еле поднял свою еще не совсем протрезвевшую бедовую головушку. На него смотрели глазища и усища старшины команды Шпака.

Старшина Шпак – это была его кличка.

Моряков он любил. Хотя в гомосексуализме его нельзя было обвинить, но за глаза его многие моряки называли почему-то педерастом. На самом деле у него была самая распространенная русская фамилия. Он особенно пылал нежной любовью к матросам, которые оканчивали какие-нибудь учебные заведения, институты или колледжи. Эти грамотей-говоруны, со своим городскими и непонятными для его ума, шуточками таким-то образом как-то воздействовали на него. Они его возбуждали, как красная тряпка тореадора на быка. Если какой-нибудь грамотей из матросов попадался, то Шпак обычно любил в начале своей педагогической лекции говаривать:

– Вот вы такой культурный человек техникум закончили,

из большого города приехали служить. А мы вот всего шесть классов кончили. Ну ничего мы из вас эту дурь выьем.

И эти слова многие впоследствии вспоминали как гениальные.

Уже через несколько десятков лет один из его учеников, будучи профессором и заслужив ученую степень доктора наук, очень часто ее повторял своим студентам и это способствовало укреплению учебной дисциплины и повышению успеваемости.

Шпак любил матросские истории наподобии той, что случилась с Валькой. В разборке этих историй он мог проявить свой талант и способности. Но самое главное он мог себя показать и как демократический командир по отношению к рядовым, как даже покровитель (искусств) и также как ревностный служака для более лучшего прогибона перед начальством. Обычно такие эксцессы позволяли отличиться, так как военных действий в ближайшем будущем не назревало и иных героических подвигов не предвидилось. Поэтому он ловил и выявлял всеми возможными силами и средствами. Кроме того уже тут ему была предоставлена власть не только сыска, но и карающей десницы. Естественно в рамках властных функций старшины команды было по уставу положено карать и наказывать. Правда в его власти было давать только пару нарядов. Но, если это умело использовать, то считай пара в день, например, для пяти человек это уже десять. Если взять на месяц, то десять умножаем на трид-

цать дней, так как выходных нет у моряков то получается уже триста. Взять в год триста на триста шестьдесят пять и получается сто девять тысяч пятьсот нарядов внеочереди. Это же такая огромная сумма, что даже голова кружится и пьянит от такой власти. Да власть действительно опьяняет.

– Что скажете в свое оправдание бывший отпускник матрос Хлызов – Ну ты и учудил вчера. Теперь тут на всех углах о тебе такое говорят. Черт тебя дернул идти в таком виде прямо на вечернюю поверку и оказаться перед самым строем. Нужно было там за казармой пересидеть, переждать и когда бы все уснули, то пойти и вползти. И все бы тогда было бы спокойно. А то мне пришлось у тебя целую литровую бутылку такой хорошей водки конфисковать и при всех вылить в раковину.

– Как мою литровую любимую бутылку вылили в нужник! – Подскочил Валька – Ну товарищ старшина никак я этого не ожидал от вас. Аж сердце защемило от страдания. Представляю как жидкость течет в унитаз и это мои горькие слезы.

– А ты что думаешь, – сказал Шпак, с искренней слезой в голосе. – Я что ли железный. Это вам молодым все так легко. А сколько я этих жидкостей вот так вот этими вот руками вылил. А как хотелось самому просто так в стакан налить и сжав его крепко в кулаке так залпом и опрокинуть прямо себе в рот. Это вам кажется, что для меня все так просто. Взял откупорил и вылил. Вы же не видите в старшине человека. А я тоже такой чувствительный. И как каждый раз вы-

ливаю, так сам мысленно роняю свою скупую мужскую слезу. Но иного то выхода нет. Есть приказ командира. Все полученные спиртные напитки выливать. А вы так и норовите. То вам пришлют в банке с вареньем самого высокого качества, то в бутылке с лимонадом находим высокосортный коньяк, то грелки присылают с жидкостью, как будто думают, что здесь и воды горячей нет.

– А вторую куда дели? – спросил расстроенный Валька – Неужели и ее вылили. Там же очень важное для меня доказательство.

Многие хотят быть детективами

– Вторую – сказал старшина – взял себе лейтенант Требов. – Хочет проводить персональное расследование. Тоже мне заполярный Шерлок Холмс. Ты теперь Валентин очень важный человек. Сейчас на тебе будут совершать геройские подвиги. Ты же даешь столько важной работы для офицеров. Что бы они делали без таких как ты. Что бы делал дежурный офицер. Ну что отдежурил – день и ночь сутки прочь. Скукота! А тут ты. Значит можно проявить творческую активность по написанию докладной. Или взять нашего замполита Владимира Ильича. Твое дело для него очень важное. И ты попался при этом прямо на глаза самого занудного по этой части. Если бы я еще был один так может быть что-нибудь из этой истории замяли. А ты нарвался на этого школяра. Он же только что из университета. Мир видит в те розовые очки, которые ему надели профессора и доценты. При этом состоит в обществе трезвенников. Хочет посвятить себя службе. Он будет так выделяться, что вскоре вззоет. Он уже на тебя настроил докладную. О том что ты в таком сяком вид ввалился и прямо упал перед строем, вдыхаешь пьяный. Как же это ты! Такой закаленный и опытный.

– Да товарищ старшина – вы же себе не представляете, что со мной случилось.

– Да что с тобой Хлызов может случиться. Мало того, что

опоздал, так еще и напился. Наверное все эти двадцать дней и ночей не просыхал от пьянства.

Старшина махнул рукой и строго сказал.

– Готовься к ответу. Наверное сегодня уже после завтрака объявят приказ об аресте на пятнадцать суток за опоздание и распитие спиртных напитков.

– Я же инопланетный корабль видел! – выпалил Валька – он прямо перед старой казармой на площадке приземлился.

– Да ты что-присвистнул Шпак и даже присел – Не шутишь. Надо же так напиться. Обычно только черти и еще какие-нибудь кошмары снятся. А то наверное начитался в отпуске и тебе это померешилось. Но все таки для такого объяснения, что напился так это нормально. Молодец. Хорошо придумал. Наш замполит Владимир Ильич любит когда матрос проявляет творческую активность. Все таки какое-то разнообразие в докладной. Напился поскольку увидел инопланетный корабль. И для того, чтобы прийти в чувство так надо русскому человеку аж целый литр водки выпить. Да еще небось и дрался с инопланетянами. Вот вся харя исполосована.

– А что и дрался. Меня даже пытались взять в плен. Но я отбился. Чего это они по нашей советской земле ходят. Я еще пытался их задержать и бежал за ними. Они на меня ядовитые вещества пускали из устройства наподобии нашего огне-тушителя. Но я не поддался этим газам. Видать слабенькие они для советского моряка. Но подскользнулся на каком-то

ими брошенном странном предмете. Вон у меня сохранился.

Валька приподнялся в кровати и, протянув руку к тумбочке, снял оттуда свои брюки. Сунув руку в карман, он вытащил оттуда измятый кусок инопланетного вещества.

В ответ раздалось лошадиное ржание старшины команды. Шутка ему понравилась.

– Ладно Хлызов потешил меня, старика. Давай милый друг вставай и готовь свое очко для фитиля. Поди возьми мыла побольше. Чтобы фитиль легче вошел. А эти сказки мне тут не рассказывай.

– Ну почему вы мне не верите, товарищ старшина. Вон видите как коленку расшиб.

Валька оголил ногу и показал действительно распухшее колено.

– Да с коленом ты конечно пострадал. Поэтому можешь идти вне строя. Сразу после завтрака иди в санчасть. Пускай сделают профилактику. А то может быть заражение или еще чего. С этим шутить нельзя. Да и здесь климат не ахти какой благоприятный. Раны тут трудно и долго заживают. Но вот с этими сопливыми листиками ты конечно меня еще более поразил.

Шпак взял их в руки и стал внимательно рассматривать. Потом поднес к лицу и понюхал.

– Довольно странные формы. Такие никогда не видел. Может быть ты там в отпуске какие-нибудь диковинные продукты ел и нам привез эту кожуру, чтобы головы наши задурить.

– А давайте их проверим на наших радиоактивных дозиметрах – предложил матрос Женя Цветков. – Если это были действительно инопланетяне, то наверняка у них используются на кораблях какие-нибудь ядерные двигатели. Поэтому они облучали все вокруг. Мы таким образом сможем проверить.

– Ладно следопыты давайте побыстрее собирайтесь. Сейчас будет дана команда на общее построение.

Старшина вышел из комнаты. Матросы быстро одевались и готовились к утреннему построению и завтраку.

На утреннем построении Валька стоял в строю и его мутило. Хотелось огурчика и рассольчика. Хотелось плюнуть на все это военно-морское и уставное и пройти по свежему ветренному берегу. Хотелось послушать шум морского прибоя, прищуриться от сияния летнего утреннего солнца и бесконечно долго смотреть на мелькающие солнечные блики на быстрокачающихся волнах. Но вместо этого эти знакомые однотипные военно-морские хари. Прежний уставной строй. Как будто и не было отпуска.

И теперь все это будет продолжаться изо дня в день. Валька оторвался от мыслей поскольку опять началась ежедневная лекция старшины Шпака, которая поражала своим интеллектом.

... Пол в команде помыт. Поэтому как можно больше не ходить...

– Поехал – еле слышно сказал, стоящий рядом Карпуха.

Валька опять отключился и уставившись в бритый затылок впереди стоящего, стал вспоминать только что прошедший мгновенный отпуск.

Но наконец все окончилось.

Самое главное это плотный завтрак

Строй моряков выпорхнул из казармы и переместился в столовую.

– Наконец то – подумал Валька. – Сейчас хлебну горячего кофе немного полегчает.

Он входит в столовую и видит как из окна камбуза высывается круглая шайба Рывкина и протягивает ему большую военно-морскую кружку с красноватой жидкостью.

Валька ее берет и почти залпом выпивает.

– Вот это настоящий кореш. – с облечением подумал он. Валька чувствует как в него вовнутрь проникает разбавленный холодной водой солоноватый томатный сок, сделанный из томатной пасты.

– Да кореша знают когда это нужно. И голова уже более ясная и можно и закусить.

Мордастый Карпуха тут же вытаскивает привезенную Валькой колбасу, ее нарезает большими кусками. Годки со всех соседних столов подходят и берут небольшие порции для изготовления бутербродов.

Этот день можно считать небольшим праздником для определенной части моряков, которые образуют часть военно-морского братства. В этом празднике обжорства участву-

ют друзья и привезенные продукты, которые были переданы родителями моряков через Вальку.

Таким образом Валька – это посланец, из того внешнего мира, который связан этим миром родственными связями.

– Эх – горестно вздохнул Карпуха – Как жаль, что тот литр водки старшина забрал.

– Да он не только эту, но и тобой недопитый пузырь взял. – Добавил молодой Терентьев.

– Нет, тот недопитый взял дежурный по части. – возразил Абдулаев из Казахстана.

– Ну этот то теперь на тебе откатается. Ему надо же прогнуться. Все таки уже месяц в части, а ничем особенным не выделился. Хоть на твоих костях сможет. Все таки как никак такое крупное для масштабов воинской части дело. Матрос в пьяном виде таранил строй на поверке. Такого еще здесь не было. Ты бы посмотрел на себя со стороны. Качался как во время шторма на палубе, и при этом махал литровой бутылкой. Как, с гранатой шел на фашистов. Наверное фильмов во время отпуска на гражданке насмотрелся – спросил Карпуха. – Круто выступил. Впечатляет.

Подошел замполит Владимир Ильич и склонился над жующим Валькой.

– Ну так что скажете матрос Хлызов как же это вы так отличились. Это так то вы ответили на нашу благодарность Родины. Вас отпустили как человека в отпуск. А вы там вместо того, чтобы достойно представлять наши доблестные воору-

женные силы, ходить по театрам и музеям, пропьянствовали. Наверное еще в каких-нибудь вертепах побывали и с гулящими девками якшались. И вот в таком недогуленном виде явились в нашу образцово-показательную воинскую часть. Мало того, что еще явились в таком виде, да еще с недопитой бутылкой. Я еще могу понять тех моряков, которые следы скроют или сдадут бутылки или спрячут. А вы нет же. Набрались где-то грязи, ввалились прямо с ней в часть и измазали и изгадили не только нашу флотскую команду, но и всю нашу часть не только физически, но и морально.

– А что оставалось делать товарищ капитан третьего ранга – стал оправдываться Валька – Я же торопился в часть. Опаздывал. И как назло такое событие. Оно же бывает только раз в жизни и то не для каждого. Встреча с внеземной цивилизацией. Об этом многие люди на планете мечтают. И мне вот так вот неожиданно повезло. Это же сродни такому же событию, как если бы я вдруг встретился лицом к лицу с Вождем Мирового Пролетариата или с самим товарищем Сталиным.

– Не кощунствуйте матрос Хлызов – Вам никто не позволил издеваться над святынями. – рявкнул побагровевший подошедший старшина Шпак.

Встреча с НЛО как встреча в мавзолее

– А что мне оставалось делать – продолжал оправдываться Валька. – Как никак столкнулся с инопланетянами. Хотел сделать для родины как можно лучше. Меня такое волнение охватило. Такое же было когда первый раз в Мавзолей вошел. Или нет когда в пионеры принимали, галстук красный повязывали и даже более когда присягу на верность родине принимал. И даже можно сказать, что все это вместе. Вы себе не представляете какое охватило меня волнение. Руки, ноги и даже все тело и снаружи и внутри тряслось мелкой дрожью. И как назло никаких таблеток успокоительных не было. Даже более того был один посреди этого простора. Никого для поддержки. Если бы рядом были вы товарищ замполит или еще какой-нибудь коммунист. То вы бы наверняка наставили, посоветовали, рекомендовали. Никого. Совета спросить не у кого. Пришлось самому в таком состоянии сверчеловеческого возбуждения и транса принимать решение неосознанно. И что получилось. Может быть даже я то и не виноват. Все же это автоматически. Вы наверное помните во многих наших фильмах в трудную минуту советские люди всегда выпивали по стакану, чтобы придти в себя или показать как сильных волевых людей. Вспомните фильм о настоящем

человеке. Даже фашисты поверили в силу советского человека, который без закуски подряд три стакана водки выпил или в одном фильме комиссар сразу залпом стакан спирта выпил, не морщась, и сразу же его авторитет и не только его но и всей нашей родной коммунистической партии был поднят на небывалую высоту. На меня же действует наша советская массовая пропаганда. Как вы знаете важнейшим является кино. Это же не то, что бы на Западе у капиталистов. Чуть что и сразу за таблетку или еще себе уколы какие-нибудь в жопу колют. Мы же простые советские люди – чуть что не так стакан или лучше два приняли и хорошо. Все невроты и болезни как рукой сняло. Потом может быть у меня отец был пьяницей и зачинал меня в пьяном состоянии и это также могло отразиться на моем сознании. Но я все помню. Я же их видел вот так вот как вас перед собой. Даже одного ранил обрезком водопроводной трубы. Но конечно же жаль, что не справился. Не задержал. Это такая утрата для нашей родины. Конечно же после этого для успокоения и от расстройств я еще дополнительно принял. И так бы поступил на моем месте каждый советский человек. Горе то у нас всегда принято заливать водкой. А это же было действительно настоящее горе для меня как патриота своей родины. Упустить корабль НЛО. А так представляете что бы было, если бы я их поймал. Вы бы уже наверное были бы адмиралом товарищ капитан третьего ранга и служили бы наверняка уже в генеральном штабе в столице нашей родины Москве, а не

в этом заполярном захолустье.

Владимир Ильич слушал не отрываясь и даже на какое-то время уставился мечтательно в какую-то неопределенную точку. Но через какой-то миг у него прошло это опьянение и он, отрезвело встряхнув головой, уставился в матроса.

– Прекратите разглагольствовать матрос Хлызов. Несете сплошную чепуху. Вас нужно лечить. Я постараюсь вас после отбытия наказания на гауптвахте отправить на лечение. Лечение у нас самое простое. Народным лекарем для вас станет ваш старшина.

– Товарищ старшина подготовьте комплекс лечебных процедур для матроса Хлызова после того как он вернется с гауптвахты.

– Это мы сделаем товарищ капитан третьего ранга. Трудовая лопатотерапия – самое эффективное лечение. Надо там за частью надо вырыть траншеи. Будет копать каждый день от столба до вечерней поверки. Пускай готовит полигон для своих друзей инопланетян. Может быть они увидят его и опять приземлятся. Помогут копать.

Оба старшина и замполит раскатисто засмеялись.

– Вот вы мне не верите – обиженно сказал Валька и напрасно. Доказательства в бутылке. Там в откупоренной была не водка, а жидкость от инопланетного корабля. Я еще когда стал ее собирать, то задумался куда, во что собирать. Ведь ничего под рукой не было. Не выливать же водку на землю. Я ее естественно внутрь. Ее же делали наши советские люди,

народное достояние, а я ее на землю. Я не фашист. Она же настоящая из нашего советского хлеба сделана. Представьте если бы я вот так вот батон или каравай хлебный на землю бросил и растоптал. Так советские люди не поступают. Вполне возможно, что со мной произошедшее это влияние каких-нибудь видов опасных излучений.

– Оно и видно, что несет от вас до сих пор не только водой и перегаром, а еще какими-то сложными химическими соединениями. Я вот на гражданке окончил химико-технологический институт, и то не могу разобраться чего это вы еще добавляли для крепости. Что видать мало показалось. Ранее я знаю для крепости на табаке наставляли, но правда потом по утру голова сильно болела. А что сейчас матрос Хлызов добавляют? – ехидно спросил замполит.

– Ну почему вы мне не верите по поводу инопланетного корабля, – взмолился Валька – Я же правду говорю.

– Что бы вы матрос Хлызов теперь не говорили вам теперь веры нет. Вы опозорили военно-морской флот и нашу часть. Теперь мы по всем показателям по боевой и политической подготовке из-за вас скатились на предпоследнее место.

– А кто на последнем месте? – спросил Карпуха.

– На последнем месте находится дисциплинарный батальон, в котором служат самые отпетые морские разгильдяи. Вон спросите у матроса Терентьева. Он за свои демократические высказывания там отсидел десять суток. Он вам подробно расскажет каково там служивым.

Валька вздохнул и понял, что пощады ему ждать не придется и решил мужественно принять на себя все невзгоды предстоящих мучений.

Советы друзей в стране Советов

Завтрак окончился. Моряки выскакивали из столовой и готовились к утреннему построению для развода на работы. Старослужащие последнего срока службы хлопали Вальку по плечам, по спине и давали различные советы, о том, что нужно делать в таких случаях.

- Ни в коем случае не оправдываться.
- Больше раскаиваться.
- Все валить на странное стечение обстоятельств.
- Черт попутал.
- Такая погода.
- Плохое самочувствие.
- Слабая сила воли.
- Давай до бесконечности различные обещания и клятвы.
- Делай все это как можно искреннее. Желательно со слезинкой на глазах и с дрожью в голосе. Хорошо если удастся показать как трясутся руки от волнения и раскаивания. На колени падать не надо. Должна быть определенная рамка ограничений в раскаивании. Например, замполит может договориться о том, что неплохо было бы стать его личным информатором и информировать о всем, что происходит в команд. Какие речи ведут между собой моряки в свободное от службы время. Но тут не поддавайся, так многих ломают и потом со стукачами одна профессиональная болезнь

приключается. Сотрясение мозга. Замполит чистосердечное раскаяние любит. Особенно, если этот момент наступает после проникновенной замполитовской речи. Таким образом политическое руководство части видит реально свое воздействие на внутренний мир простого матроса. Это правда не снижает количество суток отсидки и и прочих размеров предстоящего наказания, но дает какое-то успокоение для обеих противостоящих сторон. Так как замполит считая себя психоаналитиком чувствует, что ему удалось частично разбудить остатки не полностью пропитой и загубленной совести в матросе, как заблудшей душе. И он замполит берет на себя нелегкую роль Спасителя. У матроса с другой стороны возникает облегчение от того, что он в течении этой почти двух часовой беседы, стоя по стойке смирно перед замполитом, и чувствуя что сейчас обоссаться понимает, что выход только один – писать через свои собственные глаза и это раскаивающемуся матросу удастся.

А вот он и фитиль

Утреннее построение началось.

Командир части, выслушав рапорт дежурного по части, прошелся вдоль стройных вытянувшихся рядов матросов и остановившись, напротив матроса Хлызова грозно с презрением посмотрел на него как смотрят обычно в советских фильмах про шпионов на различных врагов или в телепередаче "В мире животных" на огромного гада, ползущего по дереву.

Валька ужаснулся под немеркнувшим пристальным командирским взором и виновато опустил голову. Но почувствовал свое искреннее раскаяние, он стал преданно смотреть в глаза командира. Тот, бывалый флотский морской волк видал много таких на своем веку. Валька нечто прочитал в его взгляде и понял, что теперь то ему пощады не ждать. Он по своему свойству становился просто для обычных непьющих советских военных людей обыкновенным фашистом.

Командир вышел на середину строя и нагнувшись к уху старшины комнады что-то ему проговорил.

– Матрос Хлызов – скомандовал старшина своим зычным голосом. – выйти из строя.

Валька вздрогнул от неожиданности и сделав два шага вперед развернулся на месте и встал лицом к свои боевым

товарищам.

– Вот видите! – раскатистым голосом крикнул командир. Матрос Хлызов опозорил дважды!!!!

Он сделал паузу. И Валька ужаснулся тому, что он опозорил дважды и по всей видимости весь личный состав так понял слова командира и всю тяжесть содеянного своим товарищем.

Но командир продолжил:

– Краснознаменный северный флот. Мы ему доверили очень важное дело. Представлять наши вооруженные силы во время отпуска. А он все эти, данные ему для укрепления своей боеспособности силы и здоровья, дни потратил на беспробудное пьянство. Страна, надрываясь в жесткой бескомпромиссной классовой битве с миром капитала дает нам все необходимое для обеспечения боевой готовности. Многие советские люди там на гражданке надеются на нас, недоедают и не допивают. А что делает матрос Хлызов. Он пьет, отрывая таким образом часть продукции гражданского назначения от мирных граждан, так как ему пить не положено и его государство не учитывает в товарном производстве алкогольных напитков. Помимо того, что он опаздывает из отпуска и вдобавок является в воинскую часть в состоянии сильнейшего алкогольного опьянения. Кроме того нужно учитывать, что и наш империалистический враг также наверняка не дремлет и точит свои ракетно-ядерные клыки на нашу социалистическую родину. И таким образом и врагу стано-

вится известно, что матрос Хлызов, напившись основательно подорвал боеготовность и обороноспособность не только дважды Краснознаменного Северного флота, но также и всех наших доблестных вооруженных сил и в том числе и стран Варшавского договора. Поэтому данной мне свыше властью командира части, а также по согласованию с командиром дивизии, я приказываю подвергнуть матроса Хлызова аресту с содержанием на гауптвахте строгого режима на пятнадцать суток.

– Служу Советскому Союзу! – набрав в грудь воздуха, выдохнул перегаром на своих товарищей Валька.

Строй в месте его стояния шумно воспринял этот приятный, для многих почти забытый аромат, и оторопело посмотрел на Вальку. Карпуха, подняв руку, покрутил у своего виска пальцем. Старшина команды показал исподтишка кулак. Валька понял, что сказал что-то не то. И поэтому добавил:

– Есть пятнадцать суток ареста.

– Всем разойтись. Вольно – скомандовал старшина.

А жизнь продолжается

Утренний смотр окончился.

Все военнослужащие разошлись по свои рабочим местам согласно боевого расписания.

В этой воинской части производился ремонт различной радиотехники, связанной с радиолокационным и иным радиотехническим вооружением кораблей Северного военно-морского флота.

Матросы здесь служили в основном, окончившие радиотехнические училища или техникумы. Они производили ремонт и настройку. Также очень часто моряки выезжали в различные воинские части для ремонта радиолокационных станций на местах базирования. Служба была интересная.

Валька стоял на площадке для курения и, смоля папиросу, переговаривался с друзьями.

– Валька! Прощевай друг ситный – сказал Женька Цветков, обнимая друга. – мы сейчас с Карпухой убываем в Мурманск на ремонт навигационной станции.

Подошел капитан Михайлов, их непосредственный начальник цеха. Ему моряки присвоили кличку Ваня Дремучий. В общем это был хороший человек. Он не стремился делать из моряков тупых солдофонов и многие моряки его понимали. Особенно то что ему самому было трудно в этой части.

Это было связано с тем, что жизненная судьба любой личности обычно подвергается различным преобразованиям. По странному стечению обстоятельств Ваня Дремучий служил на отдаленной точке и был начальником радиолокационного поста. Но это были части, относящиеся к ракетным войскам. Каким то образом оказалась вакансия в этой радиотехнической части на место командира пожарного расчета. И на это место попал Ваня Дремучий. Он приехал в часть в серой солдатской шинели. И это было некоторым вызовом для флотской части. Особенно для офицерского состава. Но видать была у Вани лапа где-то наверху или ангел хранитель. Он появился как белая ворона. В этой части все ходили в морской черной форме и офицеры носили погоны с желтыми просветами. При этом даже среди разнообразия морских форм просветы на погонах имели свои очень важные предназначения и символику. И желтопогонники котировались намного выше, чем краснопогонники. Тем более серые шинели вообще не шли ни в какое сравнение с черными. Даже на ДМБ более богатенькие дембеля из партизан – солдат строительных отрядов, старались поднакопить денег и различными путями раздобыть флотские формы. Конечно было бы лучше появиться в своей деревне как матрос, увешанный значками отличий за дальние походы, отличников боевой и политической подготовки и также различий по классности специалистов и даже навесить самому себе пару другую лык. И конечно же в результате этого преобразова-

ния можно было бы смело констатировать, что все девушки в деревне будут наши. И это явление поддерживалось и раздувалось конечно неофициально, а как кулуарная корпоративная идеология военно-морской службы и распространялась не только среди нижних чинов срочной службы, но и среди офицерского состава.

И вот появился новый герой в серой солдатской шинели среди черных морских. Но Ваня был настоящий герой и в результате трудной и острейшей упорной борьбы он все таки не только вписался в эту часть, но также и сам в скором времени сменил серую шинель на черную. Потом и в конце концов стал носить капитанские погоны с желыми просветами. Но все равно капитан-лейтенантом его никто не называл и внутренне это его по всей видимости огорчало.

Но он виду не подавал и боролся. Хотя даже за глаза его многие в том числе и его же коллеги офицеры не особенно ценили как специалиста. Но он боролся и мог служить примером для выживаемости. В ходе упорной битвы за место под солнцем в данной воинской части он добился желаемого успеха и стал начальником одного из самых крупных и основных ремонтных цехов.

Всегда имеются некоторые особенности службы

Ценность ремонтного цеха по навигационной аппаратуре заключалась в том, что навигационные радиолокационные станции считались основным видом электронного вооружения на кораблях, особенно в мирное время. При ведении боевых операций нужно держать в боеготовности станции ракетной, артиллерийской и зенитной стрельбы и уметь поражать противника на больших расстояниях. Но в мирное время, если командир корабля посадит корабль на мель или столкнется в море с другим кораблем, то это может привести его в тюремную камеру или в разжалованные более низшие чины. Поэтому моряков, ремонтирующих такие станции часто баловали и всегда ценили. Нужно было также учитывать, что обычно посты РТС находились в командирских и боевых рубках и это также делало свой отпечаток на престиж данной специальности. Кроме того радиолокационные станции навигации стояли не только на военных кораблях. Они стояли на кораблях вспомогательного флота, плавбазах, различных катерах в том числе и командующего флотом. И таким образом – это был огромный сектор ремонтных работ. И главным здесь стал Капитан по кличке Ваня Дремучий.

– Цветков почему вы еще тут находитесь? Вам же нужно

уезжать. Где Карпов? Опять где-то болтается.

– Он товарищ капитан пошел спирт на склад получать. Вы же сами ему вчера требование на получение выписывали – сказал Цветков.

– Давайте. Давайте и побыстрее. А то командир и так из-за этого типа на наш цех катит телегу. – он строго и непримиримо посмотрел на Хлызова – набрался грязи где-то и наш цех сразу стал самым плохим. Теперь всем придется отвечать за это.

Подошел Карпов.

– Товарищ капитан нам спирт не дают на складе. Ссылаются на приказ командира. Но мы без спирта не поедem на ремонт. Прoшлый раз вот так вот не дали. Мы приехали на крейсер. А там еще более круче. Волноводы настолько загрязнены что нужна фундаментальная работа по их прочистке. Тем более какие-то идиоты конструктора установили антенну радиолокационной станции около трубы. Вся копоть и прочее толстым слоем легли на антенну, на ее движущиеся части и самое главное каким-то образом влезли внутрь полового волновода. Вы же представляете длина волновода от верха мачты до трюма где стоит приемопередатчик составляет около пятнадцати метров. И все это нужно чистить. Не напильниками же или наждачной бумагой. Стенки волновода полированные. На заводе изготовителе советские люди делали, старались. Принимали какие то повышенные социалистические обязательства по укреплению обороноспособности. Ду-

мали как улучшить, как повысить качество. Делали все для повышения точности и дальности обзора, полировали внутренние поверхности, покрывали различными дорогостоящими антикоррозийными и сверхпроводящими покрытиями, а тут экономят на спирте. Да знали бы они как ведутся профилактика и ремонтные работы с их разработками, они бы тут же притянули бы КГБ и народный контроль для наведения порядка. У них же в документах расписано сколько требуется спирта для ремонта. Чего жмотятся.

– Вот ты Карпов всегда так легко рассуждаешь. А как быть, если надо что-то пробить. Даже такое простое дело как приварить трубу или выточить деталь нужно расплачиваться. А чем? Где же мы деньги будем добывать. Только спиртом и можно рассчитаться. Да и потом не ты же один работаешь в цеху. Смотри сколько людей и нам офицерам нужно и сверхсрочникам и тем гражданским, которые у нас работают. Бочка то чай не бездонная. – возразил капитан.

– Да и на корабле то со спиртом всегда трудно, – согласился Карпов. – когда закрываем акт приемки-сдачи обычно служба РТС корабля всегда требует чтобы вписывали их спирт в акты списания со своей стороны. Но однако же не дают спирта. И мы остаемся с носом. Но если не подпишем акт списания, то они не подпишут акты приемки сдачи и таким образом мы попадаем в замкнутый круг. Я в таких условиях работать не могу. На ремонт не поеду. Лучше буду на камбузе рабочим вахты стоять и умирать от обжорства и обли-

ваться потом около плиты, чем голодать на круглосуточном ремонте и мерзнуть на мачте, ремонтируя антенну. Вообще эти наши командировки подобны тому как посылать в атаку, а снарядов не давать. Опять как наших отцов с голыми руками на фашистские автоматы посылать.

– Не шуми Карпов. Я сейчас все улажу.

Капитан взял требования на выписанный спирт и резвым шагом побежал на второй этаж в кабинет командира.

– Чего это они так со спиртом стали обращаться-спросил Цветков. – раньше же этого не было.

– Да это все из-за этого козла молодого Сидорова из цеха гидроакустики. – сказал Карпов – Они поехали на ремонт и выписали пять литров спирта. А там на корабле во время ремонта напились и попались. Когда их привезли в часть, то замполит стал проводить расследование. Говорят он спросил: "Где же ты Сидоров взял водки и напился?" А тот, молодой, не долго думая возьми и ляпни: " Так с нашего склада выписали спирту. Было холодно при ремонте и поэтому выпили". Что можно сказать по этому поводу. Только по роже бить за это. Всех подвел.

– У идиот. Надо бы ему темную сделать – возмутился Хлызов. – Всех продал. Теперь уже наверняка нам спирта не видать как своих ушей.

– С ним уже его ребята из цеха разбирались. Видели небось как вся его рожа изувечена. Так всю часть подвел. Уж мог бы сказать что мол городские ремонтники на судо-

ремонтном заводе угостили. Нет же такое ляпнуть.

Что то выявляется правдивое

– Валька – подбежал Генка Зубрилин – Давай твои растения, которые ты нашел у своего корабля НЛО. Вот я принес переносный дозиметр. Может радиактивность измерять.

Гена протянул большую трубу, которая соединялась шнуром с небольшим приборчиком, висевшим у него на груди. Валька вынул из кармана свои мятые листочки и их приставили к датчику.

Генка нажал на кнопку и аппарат непрерывно защелкал. Стрелка на дозиметре зашкалила и загорелась красная лампочка.

– Ну и дела! – воскликнул Зубрилин и, почти мгновенно выронив из руки исследуемый образец, отпрянул в сторону. – Да вы что мужики! Как буд-то после ядерного взрыва. Эта же доза радиоактивности бывает только наверное в эпицентре после взрыва атомной бомбы.

– Ты это привираешь – возразил Цветков. – мы бы уже все давно светились.

– Зубрила! – завопили из открывшейся рядом двери моряки – давай прибор обратно. Куда утащил. Сказал что на минуту. Мы же сейчас уезжаем. Итак все почти дозиметры сломанные.

– Вот мужики. Придется прибор возвращать. – сказал Зубрилин и отнес прибор.

– Вот это да! – воскликнул Карпов – неужели так сифонят радиоактивностью корабли НЛО. Надо бы куда-нибудь доложить.

– Может быть прямо в политотдел флота. Мы же можем в партийные органы обращаться без всяких разрешений – предложил Михайленко – Я сейчас еду в штаб плакаты рисовать. Так что могу зайти и рассказать. У меня инструктор в политотделе знакомый.

– Попробуй, – высказался Валька – Но думаю, что все бесполезно. Если бы я не напился, то наверняка сейчас бы уже дело по крупному раскручивалось бы. Зачем я так напился?

– Да не вини ты себя. Так бы каждый из нас поступил. – высказался в поддержку Карпов.

– Конечно Валька. Я как подумаю и поставлю себя на твое место – высказался Цветков – так у меня жуткий леденящий душу озноб по коже идет. Я бы наверное в обморок упал.

Подошел капитан Михайлов.

– Товарищ капитан мы сейчас проверили тот предмет, который Хлызов подобрал у места посадки НЛО и оказывается он такой радиоактивный, что стрелка прибора зашкаливает и даже загорелась красная лампочка. Надо бы командиру доложить. Может быть Хлызов и прав. Тогда надо бы приказ об аресте отменить и провести тщательное расследование, – предложил Карпов.

– Вы не прикрывайте вашего дружка-пьяницу. Вы специально так прибор настроили, чтобы он показывал высокую

радиоактивность. Знаем вас специалистов. Да и потом командир уже решил, и руководство информировано. Не будут же начальники менять свои приказы. Да и у нас текущих забот предостаточно. С одним вашим спиртом сейчас столько мороки. Только что бурю в кабинете командира выдержал. И что сейчас пойду и что скажу. Про НЛО. А вы про какие-то корабли НЛО мне голову морочите. Что для вас важнее спирт получить или каким – то мифическим НЛО заниматься. Вот Карпов из-за вашего товарища Сидорова возникли сложности по отпуску спирта и по всей видимости на длительное время. Спирт теперь будут отпускать только самым дисциплинированным и то в небольших количествах. Я убедительно доказывал и командир только ради вас как специалистов и то, что ремонт срочный вам выделил поллитра.

– Но этого же очень мало – возмутился Карпов. – Я же знаю, что эта посуда вся проржавела. Они где то ходили в Средиземке. Из-за этих тропических условий там все быстро приходит в негодность. Как вскрыешь аппаратуру так все окислившееся и проржавевшее. После этого пашешь сутками, чтобы все это восстановить.

– Ладно, ладно! Не ворчи Карпов. Разбавите водой будет литр. Вам с Цветковым достаточно. На сутки то хватит. – похлопал капитан матроса по плечу – Давайте-ка побыстрее отсюда, а то сейчас командир будет проверять как идет работа. Увидит вас то всем нам не сдобровать.

Капитан открыл дверь и вошел в свой цех.

– Вот ведь какой наш очкомет. – сказал Валька.

– Ничего. Это он с виду такой. Зато хоть спирта пробил. – возразил Цветков – Вон в первом цеху так никому спирта не дали. Все озлобленные поехали на ремонты. А у них то станции стрельбы. Там еще большие волноводы и поточнее наших системы. Одни сельсины чего стоят.

– Да нам конечно же все таки с нашим капитаном Ваней Дремучим повезло. Он хоть и дубоват, но прост и всегда поможет, не злой. Не то что некоторые, которые все так и норовят мягко ступая влезать в душу, а потом пакостить. Вот тебе Валя-сказал Карпов и сунул в руки Хлызова стограммовый флакон – Это мы тебе отлили спиртяшки. Вечером в казарме о нас вспомнишь. Мы наверное на несколько суток уезжаем. А тебя к нашему приезду уже увезут. Так и не посидим. Видать не скоро встретимся.

Валя взял флакон и спрятал в кармане брюк. Ему стало тепло от этой простой заботы.

– Валя покедава. – сказал Карпов и они обнялись.

Цветков и Карпов, взяв в руки по чемоданчику с ремонтным имуществом пошли к выходу из части.

Немного одиночества и тоски

– Вот теперь они ушли и я остался один – с огорчением подумал Валька. – сейчас они сядут на автобус и поедут в тот свободный мир. Там в вольном городе посидят в кафе. Потом пойдут на ремонт. Наверняка зайдут еще куда-нибудь и таким образом возможно даже они несколько суток пробудут там в вольном городе Мурманске. Как бы будут жить гражданской жизнью. А я в это время как революционер в кандалах буду томиться в каземате.

Его мысли прервал писарь Краснощеков из канцелярии.

– Хлызов идите в бухгалтерию и вам выписали ваш про- даттестат для передачи его на гауптвахту. Нужно торопиться. Так как вас надо определить на гауптвахту до праздников. А то после праздников гауптвахта на несколько недель будет плотно забита. А сейчас там пока есть свободные места.

– Валька неудачное время ты выбрал для отсидки, – сказал подошедший годок – матрос последнего срока службы Силыч. Ему осталось служить несколько месяцев. В прошлом месяце он еще был старшиной второй статьи, но попался в Мурманске на пьянке и был разжалован в рядовые. Но это его не огорчало, так как он был годком. И в этом возрасте для них всех моряков последнего срока службы чины и звания не имели значения. Они все обращались друг к другу на ты. После отбоя могли свободно расхаживать по части.

Дежурные их не прихватывали и это делало их какими-то особенными.

Про них говорили. Не кантовать. При пожаре выносить в первую очередь. Силыч каждый день отрывал в своем пронумерованном в обратном порядке календарике листочки. На каждом из них было написано от руки: "До ДМВ осталось столько то дней". В некоторых частях годки заставляли молодых каждое утро кричать эти слова. Но Силыч был годком демократом и не рвался проявлять свою власть. Он был настоящим блокадником, так как родился во время блокады Ленинграде и был такой же худющий, как будто только что вернулся после прорыва. Он любил давать советы, наставлять. Он хотел быть учителем для молодых и это ему удавалось.

Советы бывалого

– Это почему это? – спросил Валька, удивившись.

– Если попадешь на североморскую гауптвахту то держись. Правда и другие не лучше. Но все же она посвободнее и там прикормиться можно. Как никак могут гонять на работы в городе. Не то, что в местном гарнизоне. Никуда. Только на ремонтном заводе в трюмах грязь выскрести и делать самую грязную работу или улицы пыльные мести. А кругом одни военные рожи. Так сейчас гауптвахта вся свободная. Бармалей будет над тобой издеваться. Он же не может без этого. Садист.

– Это кто такой Бармалей?

– Так это старшина гауптвахты. Ему в прошлом году такую свинью подложили, что он до сих пор не может отойти.

– А что такого?

– Он любил использовать матросов для выполнения личных хозяйственных работ по своему дому или еще где-нибудь. Арестованные матросы были для него как батраки. И вот однажды к нему домой приходят два матроса и говорят его жене, что муж прислал с гауптвахты, чтобы печку починить. Жена пустила моряков. Те разобрали печку до обеда и сказали, что пообедают на гауптвахте, а потом придут и соберут. Жена прождала в замерзающей квартире до прихода мужа. Бармалей вечером приходит, а в доме холодина. На

улице полярный морозный вечер. Жена злющая как мегера. Она ему придала соответствующее ускорение. Говорят, что он месяц бегал по кораблям и искал этих двух. Но так правда и не нашел. Зато в волю оттянулся на остальных. Благо без разницы те или иные моряки.

– Поэтому видеть и тебе сидеть до праздника. Какой ближайший праздник?

– Новый год!

– Врядли не выпустят. У нас на флоте Новый год не считается праздником. Скорее всего могут выпустить на день Сапога. День Советской армии.

– Так я же на пятнадцать суток. А вы мне уже паяете срок как уголовнику.

– Помяни наше годковское слово, тебя так просто не отпустят. Что бы ты не сделал тебе все равно будут допайки в виде суток давать. Шаг не так ступил ДП, еще шаг еще ДП. Вот увидишь. Поэтому шинельку бери подлиннее. Вон возьми у великана Краснощекова.

– Так она мне по подметки. Я в ней запутаюсь.

– Вот и хорошо. Как станешь полеты делать в камере так тут же нас добрым словом и вспомнишь.

– Что это за полеты.

– Так это такие щиты деревянные как на пляже топчаны. Вот ты на них и будешь спать-летать во сне. Выбирай топчан потемнее и погрязнее они помягче, чем те новые. Кроме того новые грубоватые. Во сне можно руки или ногти поранить.

Портянки не носи в сушилку и сапоги тоже. А то к утру все усохнет и сапоги и портянки и при этом почти полностью без следов.

– Где же мне это все хранить.

– Подложи под голову. Так вернее и надежнее и спать будешь спокойнее. А то будут кошмары сниться о том как босым в чужих сапогах с портянками бегаешь по морозу. Ну ладно. Потом я тебе еще более лучше проинструктирую. Мне пора бежать в соседний цех, там наши годки получили посылку и будут угощать.

Силыч потрепал Вальку по плечу и побежал к выходу из здания. Валька вспомнил, что надо идти за продаттестатом и пошел наверх на второй этаж в канцелярию.

И на флотах есть инакомыслящие

Когда он проходил около кабинета командира то услышал громкие возбужденные голоса. Он остановился, так как понял, что речь идет о нем.

– Лейтенант! Чего это вы артачитесь. Мы же пришли к общему решению, что матрос Хлызов напился русской водки и этим заканчивается наше расследование. Зачем все так усложнять.

Валька узнал знакомый голос замполита.

– Но я все таки буду возражать и своего рапорта не отзову. Матрос Хлызов употреблял не водку, а какие-то химические вещества – настаивал на своем лейтенант Требов.

– Вы что это лейтенант хотите нашу часть дискредитировать – возмутился замполит. – товарищ командир надо какие-то меры воздействия применить к лейтенанту.

– Я сам не могу ничего предпринять, так как это дело офицерской чести – ответил уклончиво командир.

– Но товарищ командир как же мы теперь будем выглядеть в глазах всех остальных соединений. В нашей части моряки потребляют вредные химические вещества. Советские моряки-наркоманы. Мы клеймим американские вооруженные силы. И в наших отчетах постоянно идет дискуссия о наркоманах в американской армии, а тут и мы отличились. Так нас же всех как коммунистов спросят в политоделе фло-

та. Чем это вы товарищи офицеры занимаетесь, если ваши советские моряки потребляют наркотики. Это дело для нас всех пахнет специальным расследованием. И полетят многие головы. представьте себе понаедут в часть медики. Будут брать пробы крови на анализ. Они такого обнаружат. А если начнут копать по партийной линии, то эти медики накопают согласно диагноза политотдела флота достаточно для того, чтобы партбилет положить на стол.

Поэтому для более гибкого улаживания конфликта целесообразно согласиться с тем, что матрос Хлызов просто напился водки. Тем более что командир уже квалифицировал преступление и это занесено в рапорт, который уже отправлен в штаб флота. Уже зачитан приказ о наказании матроса. А что мы сейчас ответим. Ввели в заблуждение высшее руководство. Это уже политическое дело. А вы как дежурный по части молодой честный офицер пишете докладную, что матрос пьет химикаты – наркотики. У нас же у всех различия в рапортах. Старшина команды пишет, что матрос пьет водку. Вы то откуда знаете, что в бутылке наркотики? Вы что закончили?

– Электротехнический институт.

– А я окончил химико-технологический. Да и сам старшина команды с его большим опытом по уничтожению алкоголя более авторитетен, чем вы молодой человек. Поэтому я как замполит требую, чтобы об наркотиках не упоминали. Иначе нашу часть подвергнут строгим проверкам комиссии

партийного контроля. Ваша докладная в Политотдел флота, дело усугубляет. Кроме того советую вам особенно не зарываться, а то мы можем по другому заговорить. Ведь Хлызов в разговорах высказывался о том, что в эту бутылку им собраны остатки топлива от инопланетного корабля. А вы знаете, что за этим может скрываться и что вас может в дальнейшем ожидать, если вы собираетесь утаивать это важное открытие, имеющее важное военное и государственное значение.

– Как бы то вы ни говорили – сопротивлялся лейтенант Требов – Я хочу быть честным коммунистом и советским офицером. Поэтому я уже через вашу голову подал рапорт на имя начальника политотдела обо всем случившемся с матросом Хлызовым. И у меня есть вещественное доказательство. Это недопитая им бутылка. Я на это имею право как коммунист.

– Ну вы и подложили всей нашей части солидную свинью. Я думаю, что после этого у вас будут трудности по дальнейшему прохождению службы в нашей части.

– А вы мне не грозите. Сейчас не то время. И на вас мы управу найдем.

– Смелый литер, – подумал Хлызов.

Послышался топот сапог за дверью.

Валька во время отскочил от двери, так как из кабинета выскочил разъяренный замполит.

Валька в канцелярии получил листок с продаттестатом и спустился вниз на второй этаж в свой цех.

Моряки сидели за своими ремонтными стендами и работали.

– Все ребята – сказал Валька – Вот получил документы и теперь в скором времени пойду по этапу.

На гауптвахте сперва встречают по одежке

– Ты Валька послушай годков – сказал старослужащий матрос Силыч.

Он служил уже четвертый год. Первые три года он и его сверстники прослужил на Новой Земле. Согласно положения они должны были быть демобилизованы. Но приехал генеральный секретарь в Заполярье с дружеским визитом. Для более лучшего прогиба его принимали в летнее время, когда солнце светит ярко и стоит почти круглосуточно над головами. Как будто оно вечное. И освещает бурно разросшуюся растительность. Таким образом зелень с покрытых мхом разноцветных сопок, яркое заполярное солнце создавали вид почти курортного края. Но эта радость длится всего несколько месяцев. Генеральный секретарь прибывший сюда так и расценил, что тут военные моряки жируют, получая свои заполярные коэффициенты, различные выслуги и прочие дополнительные льготы. Поэтому в один миг со многим льготами пришлось многим распрощаться.

И часть этого осколка обрушилась на моряков с Новой Земли. И поэтому последний четвертый год службы им пришлось тянуть лямку в этой радиотехнической части. Но моряки не озлобились, не скурвились и свою злость не срывали

на молодых. А даже наоборот выступали как наставники.

– Тебе самое главное надо четко выучить доклад.

– Какой доклад? – удивленно спросил Валька.

– Тебя когла привезут, то ты должен сразу правильно вписаться в режим гауптвахты. Учти там все движения делаются бегом. Как вошел в ворота, так сразу и беги. Часовой с автоматом за тобой. Приведут в кабинет Бармалея. Ты войдешь туда и сразу четко бодрым голосом. Товарищ старшина североморской гауптвахты! Арестованный за распитие спиртных напитков на десять суток матрос Карпов для отбытия наказания прибыл. Твердо запомни, что последнее слово обязательно прибыл. Потом когла он скажет:» Идите» должен по уставному повернуться и маршевым шагом выйти из комнаты. Если не так сделаешь, то можешь еще получить дополнительный арест суток на пять.

А друзья уехали на задание

В это время когда Хлызова наставляли как выжить на гауптвахте, Карпов и Цветков доехали благополучно до Мурманска и отправились к своей знакомой. Она разрешала у нее останавливаться. В этой квартире моряки могли переодеться в гражданское и ходить по городу, не опасаясь патрулей и офицеров.

Рина Чижова была женщина строгих нравов. Ей нравилось принимать у себя моряков. Но это не означало того, что она была женщиной распутной. Она в свое время училась в Ленинградском институте легкой промышленности. Поэтому все что было связано с этим городом ей импонировало. Однажды в отпуске она познакомилась с родителями матроса Иванова, который недавно демобилизовался, но знакомство с моряками сохранилось и передавалось по эстафете. И теперь уже многие моряки использовали эту квартиру как перевалочную базу. Рина была для моряков скорее как старшая сестра. Это также способствовало простым деловым связям. Кроме того через нее шли все посылки из Ленинграда от родных и знакомых так как многие в части не желали, чтобы разные проверяющие залезали в эти посылки и трогали своими проверяльческими лапами самое дорогое. Иногда наиболее чувствительные и страдающие матери останавливались у нее на побывку. И она когда приезжала

в Ленинград, то могла останавливаться у знакомых матросских матерей.

Рина была женщина деловая, так как служила товароведом в универмаге и часто входила в контакт с различными представителями иностранных фирм.

Она дружила с одним американским бизнесменом, который иногда приезжал по своим делам в Мурманск.

Его звали Джордж Максвелл. Это был простой парень, который охотно входил в контакты с любыми людьми. Его интересовали только такие направления как бизнес, прибыль и установление деловых отношений с любыми странами лишь бы деньги шли и товары раскупались.

Моряки пришли к Рининой квартире и позвонили в дверь. Рина вышла к ним на лестницу, одетая в легкий халатик.

– Мальчики опять в командировку, заходите. Но учтите, что мне некогда. Я ухожу в гости. У меня деловая встреча. Так что вы тут располагайтесь одни. А где Валька? Чего то я его давно не видела. Он же отдыхал дома. Почему его с вами нет в командировке? Вы же все время втроем ездили. Что случилось?

– Риночка ты не представляешь что случилось в части. Валька то наш загремел по-крупному.

– Да вы что! Неужели с ним случилось что-то опасное? Жив ли он?

– В этом вопросе все в порядке. Он опоздал из отпуска.

Валька, когда бежал и торопился на последнюю вечернюю поверку, то увидел в небе инопланетный корабль, который спустился прямо перед ним. Он вступил в контакт с инопланетянами и хотел было их задержать и даже дрался с ними. Но они его поколотили и сами улетели. А Валька от злости, что ему не удалось и также от чрезмерного возбуждения изрядно выпил и в таком виде явился из отпуска. Ему за это дали пятнадцать суток ареста. Теперь должны увезти на отсидку. Ищут для него свободное место на гарнизонных гауптвахтах.

– Так что же это такое. Тут событие мирового масштаба приключается, а наши козлы ничего не соображают, – возмутилась Рина – Что же это такое в нашей стране творится.

– Он даже какие-то предметы собрал. Один с виду как кожура. Мы ее измеряли на дозиметре. От него идет очень сильное радиоактивное излучение. Мы доложили начальству. Так наши офицеры сказали, что это специально так дозиметр настроили, чтоб Вальку выгородить, – сказал Карпов.

– А еще Валька бутыль с остатками топлива принес в часть. Он собрал следы, которые остались от корабля. Собрал в свою бутылку. Но ее один молодой офицер себе взял как вещественное доказательство того, что Валька является наркоманом. Представляешь Рина Валька наш наркоман.

– Сволочи, если загубят парня, то я им такое учиню. У меня есть парень в особом отделе флота очень порядочный. Может быть мы чем-нибудь поможем. Надо же таких лю-

дей губят. Ничем видать наших твердолобых не пронять. Ой, мальчики! Я опаздываю-воскликнула она, посмотрев на часы.

Рина напоследок посмотрела в настенное зеркало и увидев, что выглядит на все сто, выпорхнула из квартиры. Моряки остались в квартире и стали смотреть телевизор и пить чай. Они решили в это день немного отдохнуть и после отдыха отправиться на корабль. На нем предстояло отремонтировать радиолокационную станцию. И там можно было заночевать. А сейчас они надели свои гражданские пальто и вышли на вечерние мурманские улицы. Прошлись по улицам, посидели в кафе и таким образом отдохнули от уставных начальников и всей той военной жизни, которая их утомлял как всеобщая обязанность, которую надо было просто отбыть как гражданам своей страны.

Деловые встречи с буржуйским миром

Рина в это время сидела в ресторане и вела деловые переговоры с представителем американской делегацией по поводу поставки крупной партии одежды для Мурманска бизнесменом Джорджем Максвеллом. Все заботы о заключении проекта контракта взял на себя Джордж.

– Рина – сказал Джордж, – вы такая красивая женщина. Почему вы томитесь в этой вечной мерзлоте. Вы лучше соберайтесь к нам в Штаты. Мы ценим красоту русских женщин.

– Джордж я еще не совсем решила на это. Все таки как никак я всю жизнь жила здесь. В этом городе я мне каждый камень, каждая сопка как родная. Да и я сама еще не могу понять и самое главное найти для себя избранника. Казалось бы странно столько приятных мужчин и все таки нет такого, чтобы сердце запылало страстью. Я могла, как это говорить без оглядки, броситься прямо в омут. Просто нет таких. Наши нынешние советские мужчины какие-то отмороженные. Я изучаю вас, иностранцев, и сравнивая с нашими и нахожу все таки множество существенных различий. И эти различия имеют и положительные и отрицательные моменты. И их такое большое количество, что при сравнении и вы-

боре приоритета оказывается что фактически они находятся в равновесии. Таким образом возникает понятие неопределенности. Поэтому мое сердце как бы само находится в вечной мерзлоте. Кто его разморозит. Вот в чем вопрос сегодняшнего дня для меня. Пока здесь на Земле нет для меня такого человека.

– Может быть вам нужен не мужчина, а женщина. Вы наверное сами не знаете, что принадлежите к сексуальным меньшинствам.

– Нет, я уже представляла такой вариант. Но также сердце ничего не ответило.

– Тогда какой-нибудь инопланетянин прилетит и вас увезет – воскликнул Джорж – давай-ка поднимем бокалы за нашу встречу с теми кто растопит наши сердца и заодно и льды Холодной войны.

Они наполнили бокалы с шампанским и чокнулись.

– Кстати говоря – сказал Рина, сделав глоток. – сейчас ко мне знакомые моряки приходили и рассказали как в их части один моряк встретился с инопланетянами и даже собрал какие-то остатки от этой встречи в виде топлива и какого-то странного растения.

– О как этому парню повезло. Он сейчас станет наверное самым богатым человеком. О нем сейчас будут трубить все газеты мира. – воскликнул Джордж. – ну почему мне так не везет. Я такой страстный искатель таких причуд. У меня столько различной литературы собрано и тут вот простому

моряку такая удача. Как все таки вам советским людям везет на исследования, на поиск неизведанного. У вас такие творческие люди и такой трудолюбивый и отзывчивый народ. Как бы мне с этим парнем встретиться? Я бы заключил с ним контракт на всю его деятельность. Он имеет такие богатства.

– Да вы что Джордж. Вы понятия не имеете о нашей стране. Его за это вообще посадили на гауптвахту. Вот видите как у нас обходятся с нестандартными ситуациями.

– Рина – да вы что такое говорите! – У нас это очень злободневная проблема. Мне нужно как-нибудь встретиться с этим парнем. Я бы даже мог устроить ему встречу со специалистами фонда НЛЮ. Он бы мог даже на этом прилично зарабатывать.

– Да вы что! Он же военный моряк. Его просто напросто не пустят на переговоры с вами. Запретят встречаться с иностранцами. Кстати говоря он наверное и подписку дал о том, что ему нельзя встречаться с иностранцами.

– Как это подписку. Разве есть такое в цивилизованных странах. Даже сообразить сразу не могу. Чего только у вас в Советском Союзе не узнаешь. Подписка о запрете на встречи с представителями других стран.

– А что в этом такого. Он, например, работает на секретном полигоне. Имеет доступ к секретным документам и конечно же ему запрещено общаться. Да и просто посадят, пришив статью по измене родине или еще чего-нибудь. У нас же сейчас после сталинских времен и прочих разоблачений

КГБ малость подгорело в производственном плане. Нет уже прежнего размаха, хотя авторитет и испуг еще велик. Поэтому там ребята будут рады любой даже самой малой работенке вроде этой. Тут даже можно примерный сценарий набросать, как матрос якобы чего-то секретное передает американцу. А вы Джордж уже не бизнесмен, а посредник между американским шпионом и ЦРУ. Я даже и сама не рада что вам такое рассказала. Давайте-ка лучше замнем это дело.

– Как мы замнем. Наверняка уже идет какая-нибудь информация по разным информационным каналам. И нам бы с вами желательно поторопиться. Сами посудите парня посадят, и для человеческой цивилизации это будет очень огромный урон. Вот вы честная советская женщина сами будете виновны. Ведь демократическое общество строится самими гражданами. Все эти спецслужбы, разные конторы, состоящие из государственных чиновников созданы для получения своих пайков, окладов и им этого достаточно. Но не они закладывают фундамент демократического общества. Они жируют на нем. Мы, честные американцы сами боремся и с такими чиновниками. И вы должны быть такими же, чтобы с вами не обращались как с рабами.

– Джордж да что вы такое говорите! – воскликнула Рина, вся покрасневшись. Ее пышная грудь возбужденно заколыхалась и она вся приобрела яркочерный цвет. Еще шелковые щечки налились румянцем. Джордж на некоторое время залюбовался ею.

– Как все таки прекрасна русская женщина в таком возбужденном состоянии и почему это бог обделил их счастьем в этой одной пятой части планеты. – подумал он. – Это даже интересно сексуальное возбуждение создается с использованием специальных психоэнергетических регуляторов, настроенных на политическую и секретную деятельность. Так сказать связь секса и КГБ.

– У меня даже голова закружилась и участилось сердцебиение. – воскликнула Рина, озираясь по сторонам. За соседними столиками народ сидел и пил и никто не обращал на них никакого внимания. Это ее успокоило. Она наклонилась поближе к лицу Джорджа и сказала еле слышным шопотом.

Иной мир иные отношения. Право винчестера или калашникова

– Так вы что хотите сказать, что у вас борются с вашими спецслужбами сами простые американцы?

– Конечно! – воскликнул Джордж – мы, американцы, прежде всего ценим свободу и у нас самая почетная профессия это профессия адвоката. Если полицейский или агент ЦРУ работает на правительство, которое защищает свои шкурные интересы для своих членов, а не интересы американского народа, то мы сами делаем свои хирургические операции с помощью винтовки с оптическим прицелом или кольта. У меня в подвале дома в Арканзасе целый арсенал разного оружия собран. Даже есть ваш автомат Калашникова. Очень хорошее оружие.

– Как вы дома храните оружие? – ужаснулась Рина. – Вы гангстер?

– Боже упаси. Я честный, мирный, обыкновенный американский законопослушный гражданин. В этом ничего такого противозаконного нет. Мы должны быть готовы ко всему. Может грабитель влезть в дом. Так я ему прямо из автомата в пузо всю обойму выпущу и мне сами полицейские за это спасибо скажут, что выполнил их работу. А без оружия как? Бежать к телефону или высунув половину своего тела из ок-

на орать о помощи. Вот у вас как с этим дело обстоит? Представьте к вам в дом влез грабитель. Что вы будет делать?

– Я живу на пятом этаже. Ко мне трудно влезть. Да и брать то нечего. А так конечно же многие советские люди обычно орут в окно о помощи, так как у многих нет телефонов, да и милиция не скоро приедет, так как опять же трудно с транспортом.

– Ах да у вас же маленькая квартирка. Собственно говоря у вас то и грабить действительно нечего.

– Как это нечего! – возмутилась Рина, обиженная за Великую Державу – вон недавно в соседней коммунальной квартире пока соседи смотрели по телевизору международный футбольный матч, то у них утащили из кухни кастрюлю со щами. Мы конечно не имеем таких размахов как у вас, но и у нас есть конечно негативные моменты. Но чтобы мы советские люди боролись с правительством и тем более со своими же родными спецслужбами, то это врядли поймут все советские люди. Они же вышли все из нашего советского народа. Те же министры, чиновники, агенты КГБ. Они же также учились в наших советских школах и также принимали разные присяги на верность ленинским идеалам. Они также слушали гимн Советского Союза со слезами на глазах. Состояли в различных пионерских, комсомольских и коммунистических организациях. Мы все единый монолитно сплоченный вокруг Великой Ленинской партии и ее верного Центрального Комитета великий советский народ – его новая общность.

Поэтому нам проще всего бороться с вами. Это там у вас за океаном, душат простой американский народ, негров вешают и притесняют другие народы. А у нас тут своя социалистическая свобода и она более свободная, чем ваша капиталистическая.

– Так какая же это на самом деле у вас свобода и рационализм. Советский парень встретился с НЛО. А его как будто после встречи с американским шпионом тащат в каземат. Даже не хотят исследовать и разузнать, что может пригодиться для укрепления обороноспособности своей родины. Вот сейчас ваш соотечественник такое дело открыл и его посадили. Кто теперь вступится за него? Кто защитит и придет к нему на помощь? Агенты КГБ, особого отдела или еще какие-нибудь коммунисты. Так они все готовы сейчас клеймить вашего соотечественника, так как есть повод поучаствовать в расправе над инакомыслящим. По-прежнему жаждете расправ. Не насытились все еще своей же собственной кровью за столько прошедших десятилетий. И поэтому никто ему не верит, так как дана целевая руководящая установка, что он нехороший человек и его надо клеймить и все как роботы начинают и послушно исполняют.

– Так что же делать? – всколыхнулось что-то в голове Клавы.

– Надо немедленно действовать. Первоначально нужно каким-то образом достать бутылку с этой жидкостью. У меня есть в Штатах очень квалифицированные специалисты

по химическому анализу. Они могут все сделать и приборы у нас есть такие, которые вам и не снились. Я сам продал несколько таких для вашей академии наук. Правда нарушил закон, запрещающий продажу высокотехнологического оборудования в коммунистические страны. Но зато неплохо на этом заработал и также совершил благородный поступок. Так как я знаю, что несколько таких приборов было установлено в столичном медицинском центре для лечения различных очень опасных и сложных заболеваний. Правда другая часть приборов осела в вашей оборонной промышленности и в секретных институтах КГБ. Ну да бог с ними. Так что Рина я почти ваш. Я сам как американский бизнесмен работаю на вашу страну на ее высокотехнологическое величие. В тоже время налоги я плачу в своей стране, поддерживая могущество своей великой родины. И вы, Рина, должны мне верить. Вы же знаете как я к вам отношусь и мое предложение о бракосочетании остается в силе. Так как я жду и надеюсь на вашу благосклонность.

Джорж наклонился над ней и, взяв ее ручку нежно поцеловал.

Родина мать на подвиг зовет, но есть проблемы

Сердце простой советской девушки-комсомолки Рины екнуло и легкий приятный морозец прошелся по всему телу и замер где-то там внутри. Но Рина сдержалась, так как понимала, что нужно ей как добропорядочной советской девушке уметь себя сдерживать и не бросаться на шею и тем более в постель к первому встречному, даже и к такому элегантно-му зарубежному мужчине, как Джорж. Рина была воспитана матерью-одиночкой в строгих почти ежовых рукавицах. Мать всю жизнь страдал от неразделенной любви и стремилась создать для своей единственной и любимой дочери самые лучшие условия и воспитание. И Рина переняла от матери неистовую силу в первую любовь. Но первая любовь не приходила, так как сердце молчало. В этом сказались романтические рассказы про отца-героя, который где-то погиб, работая в советской разведке там за рубежом. И она часто мечтала о том времени, когда сможет поехать туда и разузнать что-нибудь про своего отца полковника советской секретной службы Чижова Виктора Геннадиевича.

Но в тоже время Рина по рассказам своей матери знала, что по всей видимости мужчины во всем мире одинаковы под какой бы личиной они не рядились, Она на практике

убедилась в этом и опыт показал, что в действительности мужчины не отличаются даже, появляясь из различных общественно-экономических формаций, будь это сексуальный маньяк-инструктор обкома партии, который норовил ее почему то сразу трахнуть в своем кабинете за пайку красной икры или этот с толстым бумажником. Всех их нужно подвергать на надежность строгой и длительной проверке.

Единственному кому бы она сейчас оказала свою поддержку и согрел бы своей страстной созидающей любовью, которая делает мужчину настоящим героем – это конечно же несчастного Вальку. Она бы отдалась ему там прямо в каземате сырой и неуютной североморской гауптвахты, что бы он укрепился и не ослаб в своей вере. Она представила как входит к нему в камеру и видит Вальку, который прикован кандалами к оконной решетке и грустно смотрит на небо. Она тут же отдается ему вся без остатка. В голове звучит торжественные звуки мощного хора, которые создают благодостный настрой.

– Рина о чем вы задумались? – воскликнул Джорж – мы пока этот парень сидит, проведем анализ жидкости. Потом через нашу демократическую прессу дадим на весь мир эти результаты и таким образом защитим его. Тут же за него вступятся различные общественные и политические организации. Будет вестись строгий контроль за состоянием его здоровья. Его же могут просто заморить или отравить или вообще не те уколы колоть и лекарства давать. А потом ска-

жут, что врач по ошибке перепутал. Могут свалить на промашку медсестры или вообще скажут, что на этикетке было одно название, а лекарство оказалось совсем другим и свалят все на фармацевтов. Врачам по выговору, а Вальку в морг. Даже в камерах могут подослать каких-нибудь уголовников, которые будут над ним издеваться. Я сейчас так стал напряженно над этим делом работать, что сам почувствовал сильное волнение. Вы, Рина, смотрите я сам дрожу. Неужели мы с вами нашли такое крупное дело. Эти же вещества стоят у нас в США огромнейших денег. Надо рискнуть и вы будет обеспечены на всю оставшуюся жизнь.

– Ладно я переговорю с ребятами. Возможно, что-нибудь и помогут сделать.

– Договорились – сказал Джорж и они хлопнули по рукам. Разговор перешел в прежнее деловое русло.

На гауптвахту только по блату

– Капитан Михайло – грозно сказал командир части капитан 3 ранга Белов – почему это разгильдяй матрос Хлызов до сих пор не сидит на гауптвахте. Я его часто вижу слоняющимся по части. Пускай хоть роет траншею вокруг казармы.

– Виноват! Товарищ командир! Мы ведем переговоры с тремя гауптвахтами. Но все забиты из-за того, что эскадра наших кораблей для усиления нашей военно-морской группировки в Средиземном море перемещается в зону боевых действий арабо-израильского конфликта.

– Так вы примите меры. Недавно наши ребята чинили телевизор старшине североморской гауптвахты. Так к нему везите. Наверняка есть свободные места. Скажите, что Белов просил.

В это время наконец после долгих телефонных переговоров с различными гарнизонными гауптвахтами было найдено свободное место для арестанта матроса Хлызова. Все места оказались забитым как в гостиницах перед международным фестивалем или каким-нибудь симпозиумом по непонятным причинам. Казалось бы и до праздников было еще далеко. В этих камерах в царское время сидело по одному человеку и они считались одиночками. При Советской власти этот капиталистический индивидуализм был ликвидирован и для воспитания чувства коллективизма и чувства локтя

и товарищеского тепла и взаимовыручки уже сажали по десять-пятнадцать человек. Это было действительно мудрым решением партийного и военного руководства. Эта эффективность ощущалась особенно в холодные зимние вечера, когда в камерах температура понижалась до уличной, особенно если замерзали и лопались системы отопления. Тогда арестованные морячки, мысленно вспоминали свое пионерское детство, встречи с революционерами, которые всю свою жизнь провели на царских каторгах. Эти советы им помогали спланировать теснее вокруг одного, которого мысленно считали главным органом и в такой пингвинистой стае совершали свои ночные полеты. И естественно повышение температур в камерах было пропорционально увеличению количества арестованных.

Вальку привезли и втокнули в калитку. Тут же его взял под руку матрос с автоматом на плече и приказал: " Вперед. Бежать не останавливаясь до того большого корпуса."

Валька с мешком в руках побежал, тяжело топя большими сапогами, которые ему одолжил великан Краснощеков. Ноги в сапогах были плотно обмотаны тремя парами теплых шерстяных портянок, которые были связаны чьими-то ему неизвестными матерями из тонкой натуральной шерсти. Они выглядели как самые настоящие простые портянки. Годки предупреждали, что на некоторых гауптвахтах любят исполнять все уставные положения. И если у арестованного матроса обнаружат что-то неуставное, не положенное

по вещевому аттестату, то это изымалось. И были случаи когда заставляли снимать сапоги и если были портянки сделанные из неуставного материала, то это изымалось. Так погорел один из друзей Силыча, у которого в жуткий заполярный мороз были конфискованы теплые шерстяные носки и остались для ног только одни простые портянки и холодные сапоги. Парень в результате четкого выполнения военного устава обморозил себе ноги, заболел и несколько месяцев с воспалением легких пролежал в госпитале. В конце концов после множества медицинских исследований и комиссий был признан непригодным для дальнейшего прохождения военно-морской службы и комиссован (досрочно демобилизован) по состоянию, пошатнувшегося по вине военного устава, здоровья. Виноватых так и не нашли. Списала на генерала Мороз, который обеспечил победу в Великой отечественной войне.

Но почему-то в документации о вине устава никто ничего не упомянул. Но все равно этот матрос был рад-радешенек ускользнуть хоть таким образом от дальнейшего пребывания в военно-морских частях, так как не был приспособлен для военной службы с детства.

Валька вошел в канцелярию и предстал перед грозными очами самого страшного человека в городе Североморске, перед глазами самого Бармалея – старшины Североморской гауптвахты.

Бармалей выглядел, как обычный советский человек. У

него было круглое доброе лицо и большие почти человеческие глаза. Он не носил усов и лицо его было гладко выбрито. Кроме того он выглядел как огромный пончик – был большой и круглый.

Он посмотрел на Хлызова и взял документы у сопровождающего.

– Товарищ старшина гауптвахты арестованный на пятнадцать суток за распитие спиртных напитков для отбытия наказания на североморской гауптической вахте матрос Хлызов прибыл! – выпалил единым духом Валька и замолчал, вытянувшись по стойке «смирно» и уставившись глазами в потолок.

– Значит за любовь. За любовь к спиртным напиткам. Это хорошо. Из Ленинграда. Это хорошо. Люблю культурных людей. – сказал старшина, вставая из-за стола.

– Куда его определим? – спросил писарь, сидящий за соседним столом, в мундире сержанта. – у нас же все забито. Зачем его сюда привезли?

– Это я согласился. Мне ребята из этой части телевизор чинят. И я не мог отказать командиру. А что забили так это пускай командование думает. Нельзя же было распространять слухи о том, что будет дальний поход, вот в результате этого часть старослужащих и напилась. Лучше сидеть на гауптвахте и ждать ДМБ чем идти в дальний поход и неизвестно когда возвратиться из него. Вон в прошлом году многие из-за этого переслуживали по семь-восемь месяцев. А то

у солдат каждый день на счету, а тут моряки месяцами земли не видят. Посади его в седьмую камеру, пускай там по возможности уплотнятся.

Первый день на гауптвахте

– Конвойный ведите его в седьмую – приказал писарь.

Валька неловко повернулся, чтобы идти и тут же услышал грозный окрик старшины.

– Матрос Хлызов как вы исполняете воинский устав. Что нужно делать? Вы что забыли строевые занятия?

Валька повернулся и увидел совершенно другого человека. Глаза старшины команды налились кровью как у хищника перед кровавой схваткой. По всей видимости он был мягкий когда исполнялся устав, но если возникали малейшие отклонения от устава, то это его озлобляло и он зверел при виде жертвы. – нарушителя воинского устава.

– Виноват товарищ старшина! Разрешите идти! – выкрикнул Валька, надеясь на то, что это как-то позволит искупить свою вину. Но он ошибся.

– Так – сказал старшина писарю. – запиши матрос Хлызов за нарушение рапорта при прибытии получает дополнительно трое суток ареста.

– Есть трое суток ареста – сказал почти упавшим голосом, арестованный матрос Хлызов, предчувствуя, что мудрые советы и предсказания годков начинают сбываться.

– Повторите четко с молодецким духом, – приказал старшина, впадая в азарт.

– Есть трое суток ареста. Разрешите идти! – собрав весь

свой оставшийся военно-морской дух, выкрикнул Валька и это по всей видимости удовлетворило старшину.

– Идите, – милостиво разрешил он, махнув рукой.

Валька повернулся и, маршируя уставным строевым с от-машкой руки шагом в сопровождении конвоира, вышел из комнаты.

Они побежали вдоль длинного коридора до седьмой ка-меры. Она находилась в самом углу коридора.

Часовой отодвинул засов и открыл большую дверь и впу-стил туда Хлызова.

Валька вошел в камеру и чуть на задохнулся от густых клубов дыма, которые распространялись по всему ее про-странству.

– Ну и дела – подумал Валька – на гауптвахте то курить строго запрещено. А тут смолят прямо в камере. Вот он все-общий бардак. За неправильный рапорт дают трое суток ДП, а тут почти бордель и ничего.

– Мужики сейчас же может старшина придти. А вы тут закурили. Всех же могут наказать дать ДП.

– Да ты не бойся. Ты что в первый раз? Сегодня же в ка-рауле стоят свои ребята с кораблей. Это если бы были ракет-чики или морская пехота или солдаты то тогда нам было бы плохо. А кроме того к вечеру старшина по камерам обычно не ходит. Сейчас же он уйдет. – сказал один голос из полу-темого угла.

Валька пригляделся и увидел, что в камере на деревянных

скамейках, расставленных по углам, сидело десять человек. Из них трое были в таких же как и у него морских черных шинелях, остальные были из солдат, в серых. И все эти шинели были таким же большими и длинными как у него.

– Надо же как все таки годки оказались правы – подумал с благодарностью Валька.

Он присел на крайней скамейке и закрыл глаза, чтобы привыкнуть к полутемному камерному свету. Арестованные между собой негромко переговаривались и в темных уголках вспыхивали огоньки сигарет и папирос.

В дверь тихо постучали. В камере все насторожились.

Дверь открылась и вошел моряк из охраны, с автоматом на плече.

– Женька на, и давайте побыстрее – сказал он торопливо и протянул небольшой сверток матросу, сидевшему на скамейке около двери, неподалеку от Вальки.

Валька пригляделся к матросу и увидел знакомый профиль.

– Страх никак это ты? – воскликнул Валька.

– Валька! – воскликнул тот, перехватывая сверток. – ты то какими судьбами?

– Да вот после окончания радиотехникума попал в радиотехническую часть, на на днях выпил и попался. Дали пятнадцать суток.

– А я на коробке служу. Вот сел за пьянку и самоволку.

С Женькой Страховым по прозвищу Страх Валька учил-

ся в одной школе. Хотя в школе они не дружили, то здесь в каземате эта встреча пахнула радостными воспоминаниями.

– Давай с нами. Мои ребята сегодня в карауле. Так что почти праздник на нашей улице.

Он развернул сверток и там оказалась бутылка водки и буханка черного хлеба. В камере все радостно зачмокали и заметно оживились. Тут же появилась алюминиевая миска, в которую почти мгновенно накрошили хлеба и налили водки. Получилась густая коричневая каша. Вся камера плотно сгрудившись около миски в своем заледенелом пространстве вдруг заметно потеплела и не стала выглядеть такой мрачной как могло показаться на первый взгляд. В камере сидело девять человек.

Страх вытащил из сапога ложку и первый, подчерпнув ею большой кусок адской смеси отправил в рот. На некоторое мгновение он и мечтательно закрыл глаза, пережевывая это во рту. Почти все в камере сделали судорожное движение, сглатывая накопившуюся слюну.

– Страх не томи, а то мы тут все слюной захлебнемся-сказал одни из арестантов.

Страх отдал ложку на круг. Ложка стала переходить по кругу от одного к другому, наполняя каждого арестанта неуставным содержанием. Ложка, сделав несколько кругов, в том числе и самый последний прощальный, печально звякнула над пустой миской.

Камера наполнилась веселым гвалтом изрядно захмелев-

ших моряков. Лица арестантов до этого выглядевшие какими-то осунувшимися и грустными вдруг покраснели, оживились, повеселели. Некоторые даже расстегнули свои шинели. Появились папиросы и сигареты, которыми все стали наперебой угощать друг друга. Начался как обычно разговор о том и о сем и о гражданке, приключениях и иных веселых воспоминаниях и историях.

Валька съев на почти голодный желудок три большие ложки пьяной смеси сразу опьянел и сидел слегка оглушенный от всего произошедшего. Женька подсел к нему и хотел было с ним переговорить, как раздались громкие голоса в коридоре. Моряки спешно потушили свои сигареты. В камеру ворвался старшина гауптвахты.

– Так курите! Все на уборку снега – приказал он. – Нужно очистить снег около забора. Завтра приду проверю.

Взревев это своим громоподобным голосом, он выскочил из камеры.

Первое задание для арестанта

Моряки стали выходить строиться. Построившись в колонку по двое, они бегом побежали по коридору к выходу. Сзади тяжело топя сапогами, с мотающимся за спиной автоматом бежал конвоир.

В инструментальной им выдали каждому по большой лопате для уборки снега и они выбежали в свободную зону. Разбившись на небольшие группки арестанты стали сгребать снег с тротуара на проезжую часть. На улице было яркое электрическое освещение. Хотя была полярная ночью, но все равно была видна гражданская жизнь. Ходили люди в гражданской одежде. Правда было больше военных, но это не мешало Вальке фантазировать и представлять, что это и есть свободный мир.

Конвоир, который прохаживался около них топя сапогами и подпрыгивая, стал временами исчезать за углом. Потом он понял, что скрываться нельзя, так как несет ответственность за арестованных и поэтому, встав напротив них, стал неторопливо прихлебывать из плоской фляги. В результате этого он в какой-то миг начал постепенно качаться от сильного морского ветра, потом подскользнулся и упал. Но встать на ноги, он не смог, как ни старался. Моряки в это время уже закончили уборку и нужно было возвращаться на гауптвахту. Но никто не командовал поэтому Страх взял командова-

ние на себя.

– Моряки, тут я наверное старший по званию. Так давайте-ка потащим нашего конвоира на гауптвахту, а то и нам попадет. – сказав это, он взял в руки автомат часового и перекинул через плечо.

Двое моряков подхватили под руки часового и потащили на проходную.

На гауптвахте творилось нечто ужасающе-неуставное. Все начальники уже ушли с гауптвахты. Начальник караула боевой морской офицер смылся к своей знакомой на ночевку. Поэтому вся срочная служба караула оказалась предоставлена самой себе. Моряки караула поняли, что несение службы на гауптвахте это праздник и при этом возможно последний. Так как завтра корабль уходит океан и неизвестно когда они еще будут развлекаться на берегу.

Вся охрана была пьяна и ходила еле передвигая ногами.

На вечернем построении главстаршина моряк срочной службы, который исполнял обязанности заместителя начальника караула, заплетающимся голосом проверил наличие арестованных и всех разогнал по камерам.

Едва моряки пришли в свои камеры, как раздалась команда разбирать постели на ночь.

Постель для полета

– Валя пошли выбирать лежаки для полетов. – сказал Страх.

Они вышли из камеры и прошли в другой угол, у которого уже стояла небольшая очередь. Моряки заходили к небольшой комнату и там что-то передвигали. Оттуда раздавался деревянный стук. Моряки выносили деревянные лежаки, которые были своим видом похожи на пляжные щиты. Это были грубо сколоченные доски и на краю этих щитов были сделаны деревянные наклоны для головы. В общем можно было бы полагать, что это обычный пляжный деревянный матрас. Но моряки выбирали самые старые, так как считали, что они мягче.

Валька вошел, но старые уже были разобраны и оставались только новые. Он решил, что никакой разницы нет и, взяв первый попавшийся потащил в камеру.

В камере уже шла интенсивная подготовка к отбою. Арестанты сдвинули скамейки и на них разложили свои лежаки.

– Давай рядом. – предложил Страх. – Поговорим на ночь. Они легли.

– Страх, а чего это тут считают, что старые лежаки лучше, чем новые.

– А ты сам посмотри и подумай. Вот руку приставь.

Валька взял руку и приставил к своему лежаку и потом

перенес на лежак Страха.

– Ну что есть разница? – спросил Страх.

– В общем-то что-то есть. В старом лежаке ощущается какое-то тепло и мягкость. А в новом имеется какая-то сырость и жесткость. Возникает ощущение как будто лежишь на мокрых простынях.

– Вот то-то и оно. Кроме того нужно учитывать, что на старых лежаках проспало множество арестантов и каждый из них оставил часть своего тепла для поддержки других. Таким образом накопленная энергетическая аура дает возможность более спокойнее спать. А новый он же еще пока без души. Сырой и холодный. Спать на нем будет очень плохо. Я уже это проверял. Так что в следующий раз ты будь порасторопнее. Или давай так уговоримся. Кто из нас раньше побежит, то и берет сразу два старых.

– Договорились.

За дверью камеры шел шабаш. Раздавались громкие возбужденные пьяные голоса. Бегали и стучали. Валька и Страх тихо переговаривались. Но накал и возбуждение дня сказывалось на Вальке. Он, еле ворочая языком, отвечал Страху на его вопросы, чувствуя, что вот-вот отрубится.

Но вдруг всю гарнизонную гауптвахту потряс мощный вопль, от которого она вся мгновенно проснулась.

Бармалей всегда в строю

Все арестанты в камерах вскочили в своих деревянных кроватях, так как услышали знакомый командный голос, от которого у многих бывалых моряков даже мороз шел по коже.

Эту сам Бармалей пришел на ночную проверку. Он это проделывал не особенно часто. Но как всегда метко.

– Это что такое! Да как вы посмели! – орал и бушевал его звероподобный голос за дверью в коридоре и, усиленный резонансом высоких потолков, был каким-то зевсоподобным и страшным по своей эмоциональной силе и мощи. Валька мысленно представил как Бармалей, стоя на колеснице с копьем в руках и натянув с силой поводья с адской скоростью, несется между рядов пьяных моряков, одетый в белую тунику и раздает молнии налево и направо.

И это почувствовали все, так как через полчаса с этим караулом было все ясно. Он был разоружен и заменен новым, прибывшим с другого корабля. Старый караул был распределен по камерам. В Валькину камеру втолкнули того знакомого бывшего конвоира, который их караулил на улице при уборке снега. Он был уже настолько плох, что тут же изблевал всю камеру.

Остаток ночи Валька проспал очень плохо. Кровать была действительно жесткая и кроме того было тесно. Из разбито-

го окна дуло морозным ветром. Паровое отопление было на ремонте. Поэтому сон был беспокойный и сознание временами проваливалось в темноту сонного мрака и Валька впадал в полузабытье. Все таки это позволило на некоторое время забыться и отдохнуть.

Встреча с куратором

В этот же день поздним вечером Джордж на такси подвез Рину к ее дому и они распрощались.

Рина вошла в квартиру. Было уже темно. Моряки ушли, оставив записку с благодарностью и букетик цветов.

Рина подошла к телефону и набрала номер.

– Это Василий Тимофеевич! Мне нужно с вами посоветоваться по очень важному делу. Вы можете меня принять завтра в тринадцать часов?

Хрипловатый знакомый голос ответил положительно и кратко: "Да" и раздались короткие гудки.

Рина давно привыкла к тому, что ее наставник был всегда предельно краток. Она разделась, затем приняла ванну и после этого легла в постель.

Рина уставилась в потолок и стала продумывать о том, что ей нужно делать в этом случае. Она как сотрудник советской секретной службы стала разрабатывать возможные варианты различных решений данной предполагаемой операции.

Рина окончила высшую спецшколу КГБ и предназначалась для переброски в другие страны, используя образ женщины, недовольной советским образом жизни. Но это надо было делать более тактичнее и не особенно напирать на этом. Так как в случае тщательной проверки могли бы всплыть такие факторы, которые бы завалили агента глубокого ты-

ла. Кроме того создаваемая крыша будущей красивой жены какого-нибудь бизнесмена или дипломата давала множество преимуществ. Можно было бы даже сделаться двойным или тройным агентом и получать сразу несколько различных вознаграждений. Правда и риск в этом случае пропорционально возрастал. Но самое главное ей нужно было во что бы то ни стало разузнать все про отца, который по слухам там погиб. Но из различных историй она знала, что часто советские разведчики не погибали, а где то там работали. Поэтому она в душе надеялась, что ее любимый отец жив. Может быть он еще в настоящее время где-то работает там в далекой Америке. Ее мать попала под трамвай и скончалась на операционном столе после неудачно сделанной операции пьяным хирургом и никого из родных у нее в Советском Союзе не было. Она же, оставаясь в этой стране рисковала так и прозябнуть в этом холодном незамерзающем порту или где-нибудь томиться в качестве канцеляристки особого отдела в захолустном городишке. Ей часто снились сны символического содержания, в которых она как вольная птица бьется в зарешчатом секретном отделе почтового ящика, начиненного такими же озлобленными птицами и секретами, которые никому никогда не будут нужны.

Поэтому она свое светлое будущее видела через славное прошлое своего отца и просмотренные ранее в спецшколе КГБ кинофильмы об интересной и увлекательной жизни иностранных агентов. И они все манили и тянули ее свои-

ми приключениями и полной различных соблазнов жизни. Так как она знала с детства, что жизнь нужно прожить так, что бы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы. Цельность своей собственной жизни она соизмеряла с результатами жизни своего отца, матери, деда и бабушки. Они так ничего не получили и передали ей только трогательную трагическую память, которую она берегла в себе.

Развод арестантов на работы

– Подъем! – раздалось в коридоре и вслед за этим послышались громкие стуки прикладов в двери камер. – выходить, койки убирать и строиться!

Моряки вскакивали со своих теплых нагретых молодыми телами постелей и несли свои кровати в кладовку.

После этого бежали в умывальню. Там наспех ополаскивали свои заспанные лица и рожи холодной почти ледяной водой и мчались по своим нуждам на улицу в галюн. Валька устремился в этой массе по намеченному пути. Он ворвался в умывальню. Там стоял моряк и растерянно держал в руках какие-то сморщенные сапоги и черные грязные портянки. Они выглядели как два листа плотной негибаемой бумаги, на которых неизвестный художник нарисовал сложные графические образы черным карандашом и тушью.

– Что же это такое тут твориться. Вот поставил в сушилку. – говорил он удрученно.

– Ну и профан же ты! – сказал подошедший верзила арестант – Кто же кладет на ночь в сушилку портянки и сапоги. Где ты теперь найдешь все это. Тут же они и усохли. Вот теперь ходи в чем бог послал. Вот в этом.

– Так они же с трудом мне на ноги налезают – сказал молодой.

– Вот она молодежь совершенно неприспособлена к несе-

нию военно-морской службы. Иди к старшине. Может быть он тебе чего посоветует.

Молодой вышел и побрел к кабинету старшины гауптвахты. Постучавшись, он вошел и буквально через несколько минут вышел с еще более грустным лицом.

– Ну как? – спросил Валька – помог?

– Да помог! Дал еще трое суток ДП за утерю бдительности, потерю личного имущества. Хотя я то не виноват. Придется ходить в этом. Чувствую как мозоли натру.

– Построение – раздалась команда.

Завтрак. Краткий миг ни с чем не сравнимого счастья. По своей силе он может быть сопоставим только лишь мигом любви. Проголодавшиеся за ночь моряки бросились в столовую гауптвахты. Толкаясь у узкой двери, они вбежали в столовую и растекались по столам.

Перед Валькой поставили миску с жидким мутным супом. Хотя Валька и не особенно хотел есть, но все таки понимал, что теплое месиво согреет его в этой холодине и даст некоторые поддерживающие силы.

И это действительно помогло. После того как тарелка горячего жидкого супа упала вниз и растеклась по всему пространству военно-морского желудка внутри запели соловьи. Валька понял, что не все в этой жизни так плохо. Да и он сам, как бы то ему не внушали всякие начальники, не так уж и плох. Он огляделся вокруг. Десятки арестованных моряков и солдат крепких и здоровых сидели и трескали пи-

цу, уставившись в свои миски. К столовой стоял только шум грохот мисок и ложек и стук жующих челюстей. Никто почти не разговаривал.

– Вот они все такие же. Привозят плохишами, а тут их перекрывают и они как штрафники своим трудом и образом жизни искупают свою вину. После этого очищения опять становятся хорошими до следующего несчастного случая. Ведь у всех примерно такая же ситуация как и у меня. А завтра придут новые и так тут будет вечно. Я через несколько лет демобилизуюсь, а гауптвахта будет стоять вечно и новые и новые арестанты будут здесь проходить свою школу мужества. И сюда не зарастет народная тропа. – последние слова его воодушевили. Он почувствовал прилив творческих сил.

Валька взял ложку и вцепился в плотный кусок перловой каши, которая горкой возвышалась над миской. Сбоку от горки лежал жирный кусок поджаренного палтуса. Он был настолько жирным, что его замутило. После этого он попил мутной бурды, которую называли кофием и вышел из-за стола.

Вся эта процедура создала радостный оптимистический настрой в новое светлое и неизвестное будущее арестанта Хлызова.

– Выходить строиться для развода на работы! – раздалась следующая команда.

Моряки выстроились рядами по комплектности своих камер. Бармалей вышел со списком разрядок для работ.

– Эти! Эти на мясокомбинат. – приказал он и часть моряков, стоящая от начала шеренги отошла и развернувшись на месте вышла из казармы на работу.

– Эта часть идет на корабли разгружать уголь-приказал Бармалей, остановившись около Вальки. Он разделил ряд, дотронувшись до Валькиного правого плеча. Стоявшие рядом с ним арестанты повернулись и, четко маршируя вышли на улицу.

– Эти остальные идут в типографию – приказал Бармалей. Начальник караула скомандовал и вся оставшаяся группа вышла на работы.

Первый рабочий день арестанта

Валька шел по улицам и вдыхал свежий вольный военно-морской воздух. Прохожие на улицах привыкли к переходам одетых в смешные огромные шинели солдат и моряков, которых сопровождало несколько часовых с оружием в руках. В этом не было ничего удивительного для закрытого города. Хотя ранее он на гражданке и когда начинал служить, представлял себе этих арестантов как каких-то страшных преступников, которых надо обходить стороной. Ему казалось, что часовые могут в любой момент открыть огонь по ним при попытке к побегу. И сам представлял, что он сгорел бы от стыда, если бы стал таким же. И вот он оказался среди них. Пришло время выхода из этого мира грез. Безжалостная система вытолкнула его, такого нежного и чувствительного, оторвала от мамкиной юбки и швырнула якобы для перековки, военно-патриотического воспитания и удовлетворения своих государственных и военных нужд сюда за Полярный круг. И он стал таким же. Теперь он даже в душе посмеивался над тем Валькой, который жил в том розовом мире, сидя в уютной квартирке, малюя свои картины, которые никому были не только непонятны, но и не нужны.

Через некоторое время они подошли к городской типографии.

Их пропустили на второй этаж и распределили по рабо-

чим местам. Вальку определили к двум молоденьким девушкам, которые притащили ему тележку со стопами несшитых школьных тетрадей и показали, что нужно делать. Валька весь день аккуратно брал листочки, складывал их в стопки по количеству страниц и сгибал. После этого он их складывал в стопы. Согнутые тетради прошивала, рядом сидевшая за шивочным станком, девушка.

Весь день прошел радостно и весело так как девицы шутили, спрашивали его о Ленинграде и все это создавало радость от того, что ты хоть и арестант, но в тоже время находишься на свободе.

В середине рабочего дня был даже устроен перерыв на обед согласно устава. Для арестантов привезли в толстых баках с утеплителями пищу точно в назначенное уставом время. Арестанты на своих рабочих местах ели военно-морскую пищу. После этого они могли немного отдохнуть.

– Чем не курорт! – воскликнул Страх, разложившись на огромных стопах толстой бумаги. Он зажег спичку и закурил папиросу. Пуская большие кольца дыма, он следил за тем как они плавно поднимались вверх к потолку, изменяя свою форму.

Остаток дня они все работали, утомленные плотным обедом и теплом в типографии.

Так прошел первый рабочий день на гауптвахте для матроса Хлызова.

На вечернем построении, когда все арестанты стояли в

свои стройных рядах Валька слегка отодвинулся от своего крайнего, который был в числе распределенных на корабли для разгрузки угля. Он был весь черный как негр, от угольной пыли.

– Как все таки мне везет на службе, – с облегчением подумал Валька. – Вот оно счастливое стечение обстоятельств. А то также же стоял бы весь в угольной пыли. И не помыться. Не то, что бы душ принять. Пришлось бы сперва под ледяной водой в нетопленной умывальне мыться, а потом дрожать всю ночь в ледяной камере. Вот они маленькие радости военно-морской службы.

Несколько дней Валька ходил с другими арестованными в типографию, пока не произошло событие изменившее исторический ход пребывания матроса Хлызова на гауптвахте.

Встреча с дядей Васей из КГБ

На следующий день Рина приехала на секретную квартиру для встречи. Василий Тимофеевич крепкий жилистый мужик из крестьян ее уже ждал. Он когда-то давно служил вместе с ее отцом и даже качал на своих коленках. Василий Тимофеевич был ее крестным отцом. Но это тщательно скрывалось от руководства КГБ, так как чекистам было запрещено верить в Бога и тем более ходить в церковь и крестить не только своих, но и знакомых детей. Но многие чекисты сами часто ходил под Богом и были суеверными. Поэтому на всякий случай они крестили и Рину, помятуя, что береженого и Бог бережет. Дядя Вася сидел на кухне и пил чай. Около него стоял готовый для нее стул и пустая чашка для чая.

Он был куратором особого отдела в КГБ по разведке в чине полковника. Дядя Вася был прост в общении.

– Дядя Вася тут произошло одно интересное происшествие с одним моряком, которое можем мы использовать для наших интересов.

– Что это за такое событие?

– Моряку померещилось, что он увидел летающую тарелку – неопознанный летающий объект НЛО. Этим в Америке сейчас многие увлекаются. Наверное наш советский парень начитался и ему это привидилось. Но мы это можем использовать и я думаю, что американская разведка на эту приманку

ку наверняка клюнет.

– Что же тут такого, что может заинтересовать. Я лично не вижу.

– Понимаете я и сама толком понять пока не могу. Но у меня интуитивно возникает ощущение того, что рождается совершенно новое глобальное по своим масштабам дело. Оно подсознательно мне кажется таким огромнейшим и в тоже время абсурдным, что если я начну вам сейчас его рассказывать в своем представлении. то вы наверняка тут же меня отправите в отставку или еще почище на лечение в психбольницу. Но я бы хотела в начале разрабатываемой операции получить самостоятельность на творческую инициативу.

– Даже не знаю, что и сказать. Раньше мы такого не делали. Нам требовалось только одно выполнять приказы вышестоящих и никаких инициатив. Инициатива была строго наказуемы.

– Но миленький Василий Тимофеевич вы же практичный человек. Тут надо быть более хитрее. И я мне кажется придумала нечто такое, что позволит нашей советской разведке достичь положительных результатов в недалеком будущем.

– Эх ладно давай дерзай. Чем черт не шутит Я вот всю жизнь проработал в этой системе и только одни выговора, да фитили получал. Да еще просидел сперва в фашистском концлагере, а потом меня посадили в советский концлагерь. Там в застенке в гестапо допрашивал меня с пристрастием наш советский разведчик. Я его вспоминаю с содроганием.

Мне теперь часто кошмары снятся, что я у него опять в руках. Как он надо мной изголялся. Он мне кости на допросах так дробил, что я думал не выживу. Сделал вид, что меня не знает. Я то сперва обрадовался, что меня привезли в берлинское городское отделение гестапо. Думал сейчас мой однокашник по разведке вытащит. Как бы не так. Он, как потом оказалось, на мне прогнулся и получил рыцарский крест второй степени и звание штурмбанфюрера от немцев, и заодно получил вторую Звезду Героя от наших. А я до конца войны на нарах в Бухенвальде просидел. А как наши освободили, то в картотеке ребята из Смерша нашли мои документы. Так мой однокашник оказывается все таки меня спас тем, что указал, что я при советской власти был уголовником. Во время войны служил в штрафном батальоне и это спасло меня от смерти. А попав в плен стал власовцем и сел по уголовке, украв что-то у самих немцев. Вроде ушел от одних, но попался у других. Расправа над такими как я по документам, оказалась быстрой. Наши меня тут же упрятали в свой советский лагерь. Сколько я писем исписал. Надо мной все в бараке потешались. В Главном разведуправлении шли интенсивные поиски моих следов. Уже были документы на меня оформлены на звание полковника и награда Звезда Героя. Но сама понимаешь какой бардак у нас творится и до сих пор. А в советском концлагере так попался к американскому разведчику. Он меня также гонял, так как его как слишком демократичного агент КГБ сослали на пе-

ревоспитание из столичного управления контрразведки туда на Колыму. И чтобы перевестись оттуда ему надо было стать принципиальным и беспощадным с врагами народа. Что он и делал. Я писал письма во все инстанции, а он их кидал в сортир. Меня в лагере называли чекистом, так как полагали, что у меня крыша поехала, от этих тяжелых лагерных условий. Видишь, что в нашей жизни было. Теперь вам молодым даем дорогу. Действуйте активно. Нельзя же так родину губить.

– Ой спасибо вам дорогой Василий Тимофеевич! Родина и я вас никогда не забудут.

– Ладно, давай дерзай. Только смотри не провались.

Они попили чаю поговорили о жизни на общие темы и полковник ушел первым.

Рина поняла, что ей дано добро на самостоятельную проработку свой собственной программы.

Контроль и бдительность

Рина решила сперва встретиться непосредственно с матросом Хлызовым поскольку он мог как очевидец более подробнее объяснить произошедшее. Кроме того были иные причины, побудившие ее тщательнее разузнать побольше об этом странном матросе. Нечто более увлекательное притягивало ее к нему. Это было что-то мистическое, таинственное, захватывающее своей загадочностью.

Все дело было в том, что особисты флота регулярно устраивали контрольные проверки среди личных вещей моряков. Обычно это производилось во время их отсутствия, когда они находились на выполнении назличных работ и оставшиеся в части свободные от вахт также удалялись. Приезжие особисты делали тщательные обыски в личных вещах моряков на предмет выявления неуставных предметов, которые бы могли по мнению устава способствовать или нанести урон боеспособности вооруженных сил Советского Союза.

Обычно находились различные интересные предметы. Так на одной из таких проверок были найдены порнографические журналы в тумбочке одного из моряков. После допроса оказалось, что он их выловил на берегу около одного иностранного судна. У другого в тумбочке нашли снимок из совершенно секретных фотодокументов военно-морской разведки. На фотографии был изображен снятый с советско-

го самолета-разведчика американский авианосец новейшей конструкции, который шел в свой первый испытательный поход. У других находили увлекательные письма, рисунки и тому подобное. Все собранное тщательно исследовалось психологами в особом отделе флота и в результате этого формировалось общее мнение о идейно-политической сущности советских моряков на современном этапе движения к коммунистическому обществу.

В последний обыск были найдены оригинальные и для многих непонятные рисунки одного из моряков. Они были нарисованы обычным карандашом на плотной бумаге.

Когда Рина зашла к своим сослуживцам в отдел то в это время шла разборка всех материалов.

– Посмотрите Риночка, какие рисунки делают наши моряки. Сплошной бред. Какие-то каракули. Ничего понять не можем. Может быть этого моряка нужно списать на всякий случай из этой части или пускай его переведут в хоззвод. Там у них есть подсобное хозяйство, есть свиньи пускай за ними ухаживает. А то ему доверяют ездить по очень ответственным частям. Доверяют ремонт сложной радиоэлектронной техники. А он может чего-нибудь такое отчудить, что нам придется долго в этом разбираться и отвечать, так как знали и не упредили.

Рина взяла рисунки и стал их рассматривать. Она вспомнила как на занятиях по дизайну в институте изучала различные теории и творения великих художников. Кроме того

ее влекло саму заниматься живописью. Она сама частенько бралась за кисть. Рина любила с мольбертом сидеть на берегу Финского залива и, всматриваясь в голубоватую даль, выискивать для себя различные творческие сюжеты для будущих картин.

При воспоминании об этом она почувствовала, что у нее возникло странное ощущение того, что она соприкасается с чем то более могущественным и сложным. Ее стали притягивать к себе эти каракули. Она почувствовала свою странную интимную близость с этими рисунками и в ней родилось страстное влечение к тому кто рисовал это. Как будто некая и мистическая сила тянула ее в эту бездну каракулей. Вглядываясь в эти бредовые записи, она вдруг увидела отчетливо себя саму. Сквозь эти графические разводы, как в замерзшем зимнем оконном стекле прямо на нее смотрела она сама, живущая в ином нереальном сказочном мире. Это была она, она вся в некоем идеальном совершенстве. И только один этот неизвестный художник понял ее душу и желание. Но как это было преподнесено! Это ее поразило до глубины души. Она поняла, что этот художник любит ее той самой настоящей идеальной любовью, о которой она всю жизнь мечтала и ждала того героя.

– Подождите, а кто это? – спросила она, сдерживая свое волнение – что-то похожее. Вроде я даже знаю кто это.

– Это матрос Хлызов из войсковой части 34314. Мы когда обыскивали у них в части, то нашли в его тумбочке.

– Да вы что. Надо было оставить это. Я же его знаю. Он действительно очень талантлив. Его не приняли в академию художеств поскольку он был сыном врага народа.

– Подожди, так как же это он попал служить в режимную секретную часть? – подскочил на стуле начальник отдела майор Шпонин – Кто это проморгал?

– Вы не волнуйтесь товарищ майор! – успокоила его Рина. – Потому что за день до того, как его забрали на службу, пришли документы о полной посмертной реабилитации его отца и восстановлении всех его чинов и наград. Ему даже вроде пенсию должны были выплатить за те пятнадцать лет, которые он провел на Колыме.

– Рина вот я не могу в свою голову взять, чего ты в нем талантливого нашла. Мы же ничего понять не можем. Один бред какой-то – воскликнул капитан Шестов. – Рина, неужели будешь его защищать.

– Ребята да вы что! Кто может в этом времени понять и оценить настоящего художника, ученого, творческую личность. Их же понимают и защищают единицы в их времени, большинство окружающих подвергает гонениям и отрекается. И только потом, когда их труды пройдут настоящую закалку временем начинают спохватываться и бегать к могилам, искать места захоронений, возлагать венки, писать различные хвалебные статьи и книги и каяться. Но самое страшное и парадоксальное состоит в том, что начинают искать виновных и жаждут казни и мщения для их мучителей и го-

нителей. И как всегда в этих случаях все сваливают на нас. Во времена Пушкина было виновато тайное отделение, потом сыскное, при Ленине ЧК или ГПУ, при Сталине НКВД, при нынешнем партийном руководстве это КГБ. Всегда будут искать стрелочников и козлов отпущения. А сколько к нам приходит разных подметных писем трудящихся и сверху требуют принимать различные меры по сигналам трудящихся. И все это скатывается на наши плечи. Если бы сами не писали и не стучали, то возможно была бы другая ситуация.

– Ну ты даешь Рина. Такая смелая. Ничего не боишься и все тебе с рук сходит.

– А чего ей бояться. Она же готовится для выполнения задач стратегической разведки – сказал Шпонин – ей и положено так говорить. Может быть ей придется когда-нибудь выступать на международном симпозиуме и при этом с той стороны линии фронта. Не будет же она долдонить цитаты из первоисточников и составных частей марксизма-ленинизма, партийные речи вождей. Если она будет так как мы мыслить и тем более рассуждать, то дело, которое ей поручено партией, она завалит. Поэтому все то, что она говорит и делает – все это с разрешения высшего политического руководства. У нее должен складываться западный образ мышления.

– Рина, так ты хочешь сказать, что этот графический маразм и есть предвестник рождения великого художника? – спросил Шестов.

– Я этого не исключаю и поэтому прошу вас отнестись к

этому снисходительно. Кроме того я к вам приехала по вопросу того же Хлызова. Все дело в том, что мы ведем очень сложную разработку одной операции и мне нужно что бы матроса Хлызова дали мне для допроса. Не могли бы вы сделать так, чтобы я попала на гауптвахту и допросила его там.

Даже в КГБ нужен блат

– Так чего такого. Мы сейчас дадим команду и его тут же привезут к нам в отдел, – сказал Шпонин – Вот стоит снять трубку и проблем нет.

– Так нельзя. Никто не должен знать, что матрос Хлызов входил в контакт с сотрудниками советских секретных служб. Потом могут узнать, что его возили на допросы в особый отдел. Он сам может разболтать об этом своим ребятам. Это может нанести существенный урон разрабатываемой операции.

– Хорошо. Так давай предлагай свой вариант.

– Я предполагаю проникнуть туда под видом следователя, который расследует историю с хищениями мяса на камбузе в этой войсковой части. Для этого мы заранее уже задержали на всякий случай повара войсковой части в Росляково по подозрению в хищениях мяса. Хлызов часто стоял рабочим по камбузу и в его дежурство пропадали куски мяса. Это отразилось на боеготовности. Честные моряки доложили и поэтому я веду следствие. – предложила свою версию Рина. – Мне только нужно под видом мужчины проникнуть на гауптвахту. Давайте-ка я переоденусь в вашу мужскую форму.

– Конечно! – воскликнули оба следователя. Мы для тебя Риночка что угодно сделаем. В соседней комнате в шкафу есть разная одежда, которую мы используем в нашей работе.

Подбери, что тебе подойдет. А пока ты переодеваешься, то мы сейчас для тебя документы выпишем на Николая Арсентьевича Петухова, следователя из нашего отдела. С нашими документами тебе тут все дороги и двери открыты.

Пока она переодевалась, ее ребята подготовили соответствующие документы.

Шестов позвонил на гауптвахту и приказал, чтобы матроса Хлызова срочно перевели в камеру-одиночку улучшенной конструкции и держали там до приезда специального представителя особого отдела флота.

Шестов представил как Бармалей, у которого он кстати также сидел в офицерских камерах в молодости, стоит вытянувшись у телефона и слушает его приказания. В конце разговора, услышав его идеально уставное «Есть», повесил трубку.

– Все Риночка для тебя готово. – сказал он, входящему в комнату стройному старшему лейтенанту – Теперь тебя не узнать. Вот твои документы и матрос Хлызов тебя ждет уже в офицерской камере-одиночке.

– Можно я заберу его рисунки? – попросила она.

– Рина ты же знаешь, что обыск мы делали с майором Хитровым. – А этот такой зануда и уставник любит чтобы все было в наличии до заключения комиссии. Я бы тебе отдал рисунки если бы не он. Поэтому нужно переждать. Потерпи немного, так как он обратил на них особое внимание. Мыслит себя психотерапевтом, знатоком человеческих душ.

Я постараюсь дело уладить и потом тебе при удобном случае передам.

– Хорошо я буду ждать. Мне просто хотелось передать их Хлызову. Это позволило бы создать более доверительную атмосферу во время беседы. Вы только, мальчики, меня извините, что я вам всего не рассказываю. Сами понимаете какая у меня работа.

– Риночка о чем речь! – воскликнули оба сотрудника секретной службы хором – ты нас за новичков что ли считаешь?

Она их поблагодарила и, надев офицерскую меховую теплую куртку поехала на газике, который был выделен в ее распоряжение.

В камере одиночке

В это время на гауптвахте после полученного из особого отдела звонка возникло движение.

– Матрос Хлызов! – выкрикнул подошедший к строю Бармалей – вы переводитесь в камеру одиночку до особого распоряжения. Конвоир ведите его в четырнадцатую камеру.

Вышедшего из строя Вальку повели в одиночку.

Он вошел туда и сел на скрипучую кровать. В камере было тепло и даже уютнее после холодной нетопленной камеры для нижних чинов.

– Может быть я как революционер просижу здесь оставшиеся дни. Конечно с одной стороны скучновато, но с другой для меня как художника есть возможность порисовать, помечтать, – подумал Валька. – имеется возможность в тишине пофантазировать на самые интимные чувствительные темы.

Он подошел к стенке и, нагнувшись, поднял кусок штукатурки. Выбрав конец поострее, он стал им делать наброски на стене. Постепенно увлекшись свое работой, Валька почти забыл в каком мире находится. Творческая настенная камерная работа его захватила. Любимый образ стоял незримо перед ним, волновал, возбуждал и манил.

Раздался шум в коридоре. Бряцание ключей и двери камеры открылись. Валька вытянулся в центре и увидел на по-

роге стройного старшего лейтенанта с портфелем в руках.

Валька сделал стойку «смирно» и выкрикнул:

– Арестованный матрос Хлызов на пятнадцать суток за распитие спиртных напитков.

Офицер обернулся к конвою и сказал:

– Оставьте нас и никого не пускайте до моего приказа.

Конвой закрыл за собой дверь и вышел.

– Офицер подошел к Вальке и сказал мягким шепотом:

– Валька, Валечка расслабся.

Только тут он увидел, что это был женщина и при этом та о которой он только что вспоминал. Это была девушка его первой любви сама Рина. Часто наезжая в Мурманск со своими друзьями, он с ней сдружился. Между ним уже было то самое таинственное духовное единство, которое могло служить важнейшим моментом в предстоящей интимной близости. Они нашли единение в искусстве. Но будучи по природе не таким как остальные Валька сторонился женщин и был очень с ним робок. И это нравилось многим девушкам. Так как позволяло им фантазировать о необузданной страстной любви и сексуальной энергии. Вообще же многие женщины полагали, что заключенный в зарешетчатые военные дома и военные корабли мужчина накапливает внутри себя эту самую энергию, подобно добропорядочной одинокой женщине. Валька, по их мнению, несомненно обладал свойством накопителя, так как в самоволки не бегал. Освобождению энергии непробужденного вулкана мог стать только толчок

со стороны женщины, способной пробудить этот вулкан со всеми катастрофическими сексуальными последствиями.

Рина сняла свою куртку и шапку. Стряхнув свои пышные белокурые волосы, она предстала во всей своей первозданной девичьей красе.

– Валя я тебе. Только ради тебя я пришла.

Она уже решила, так как понимала, что ее прощание с Великой родиной, которая дала ей жизнь, положение, правда тайное, образование и дальнейшую поддержку начинает происходить в реальности. Она должна будет ее вскоре покинуть. Там за океаном ее ждет то самое светлое буржуйское будущее, которое будет длиться до тех пор пока она не засыпется или ее работа будет продолжаться и всю жизнь. Поэтому она полагала, что прощание должно быть ритуальным, как будто она переходит в иной мир. Ее, как девственницу, мучил только один вопрос. Кто же он ее первый избранник. Она не желала просто отдаться, она хотела отдаться с символическим смыслом. Ее первый мужчина должен был олицетворять собой нечто знаменательное в этой советской жизни. Сердце русской девушки не долго молчало, так как с первых дней знакомства в Валькой, она поняла, что это он и есть. И хотя ее постоянно окружало большое множество очень красивых и представительных мужчин, но ни один из них не мог зажечь в ней этого желания. Только Валька должен был взять ее девственность для того, чтобы и он сам ощутил и величие этого мига и таким образом смог бы сам получить поддерж-

ку и творить дальше как великий советский художник непонятый в этой стране никем. Он олицетворял собой всех тех творческих людей, сидевших за черт знает что, когда в это время вокруг них начинают происходить события глобального значения.

Женщину-разведчицу невозможно разоблачить

Рина насмотрелась в спецшколе КГБ различных порнографических и эротических фильмов, ознакомилась с журналами такого же содержания и также читала много литературы по психоанализу и сексу, что бы не выглядеть сплошной советской душой там за океаном. В результате обилия и наполнения подобной информацией в сознании простой советской девушки стал формироваться новый образ активной и дееспособной разведчицы международного класса. Но все же оставаясь где-то там в подсознании советской девушкой, она понимала, что даже если сейчас будет приказ партии лечь в постель с американским конгресменом или агентом ЦРУ, она, не моргнув глазом, снимет свои трусики и прыгнет к нему в постель во имя великой родины. Но в тоже время ее внутренняя чистота требовала того, что ее девственность должна принадлежать ее родине. Поэтому то Валька и должен был ее получить девственной и непорочной. А после него, раз уж опять такое тяжелое положение в стране и родное социалистическое отечество опять в очередной раз в опасности и если уж больше никто кроме нее не сможет выполнить приказ родины, так как советских мужчин на это дело не найти, пускай ею владеют иностранные агенты, по-

литики и иные капиталисты, естественно за большие деньги и важные государственные особо секретные сведения. Они, как ей представлялось, наевшись ананасов и рябчиков толстопузые, напрыгавшись и натрахавшись с разными сексуальными извращениями на ее советском теле, будут делиться своим служебными секретами, которые она будет записывать на магнитофон, стоящий под ее кроватью. Она таким образом понимала, что несомненно принесет больше пользы своей родине, чем если бы круглосуточно несла вахты, стоя в качестве знатной прядильщицы-многостаночницы у прядильно-ниточного станка, обслуживала детей, мужа, добывала продукты, стоя в километровых очередях, готовили и стирала и за все это она имела полное право называться гордо советской женщиной. И раз к году 8 марта Родина-мать говорила бы ей «огромное спасибо» с трибуны.

В ее голове сформировался особый склад ума сексуальной женщины-суперменки с богатой эротической фантазией. Естественно, если американские агенты могли похвалиться тем, что занимались любовью у себя на кухнях, в лифтах, автомобилях или в парадных, то представить себя занимающуюся любовью и отдающуюся на североморской гауптвахте рядовому матросу-арестанту никто предполагать не мог. И это ставило Рину как советскую разведчицу намного выше всех остальных международных агентов вместе взятых. Кроме того она как внучка революционера-большевика понимала, что любовь на каторге или в каземате есть наибо-

лее чувствительное и щемящее российскую душу состояние характерное для многих соотечественников этой эпохи. Для большинства которых после этой встречи ждал только потусторонний мир или длительные годы томительной разлуки. Поэтому последняя любовь будет такова, что воспоминания о ней останутся навечно.

Валька притягивал ее своей сложной творческой натурой, непорочной чистотой души и восприятия содействительности. Если бы он знал, что затевается за его спиной после тех своих событий, то он бы естественно тут же угодил в психбольницу или был ликвидирован, как слишком много знающий в этой беспощадной международной тайной битве суперсистем с различным строем.

– Валя у нас очень мало времени и поэтому мы будем действовать быстро и решительно.

Валька не успел и сообразить, как она толкнула его на скрипучий матрац и, выхватив из кармана наручники, приковала к спинке кровати.

– Рина ты что такое делаешь? – пытался было сопротивляться Валька.

– Молчи так надо – с волнением говорила она, расстегивая ему брюки. – как все таки легко расстегивать матросские брюки, – подумала она.

Надо хоть что-то взять на память о великой родине

Почти молниеносно сорвав с боков две пуговички, она откинула верхнюю часть брюк. Вот он и готов и как прекрасен...

Она отдалась ему тут прямо в камере на кровати, которая сразу начала страшно скрипеть. Но они этого грохота не слышали, так как катались и бились в этой дикой необузданной страстной первой любви.

Рине казалось что в пробудившемся вулкане страстной любви Валька олицетворял собой всю накопившуюся сексуальную энергию всего военно-морского флота, которая накапывалась во всех морях личного состава. Эта энергия копилась в тех кто нес службу в дальних походах, кто томился на круглосуточных вахтах. Сама Рина, отдавшись ему, олицетворяла всю силу той непробужденной страсти все девушек Советского Союза, которые уткнувшись в свои подушки, залитые горькими девичьими слезами, мечтали и думали о них крепких, сильных и здоровых, которых эта безжалостная государственная машина отняла у них и швырнула туда на дальние морские просторы, вместо того, чтобы они могли бегать по лесам и лугам, валяться на сеновале, танцевать, тискать друг друга на студенческих партах, в рабочих разде-

валках, целоваться, укрывшись за газетами. Но этого не было. А была суровая реальность и военная служба и каждому моряку по ночам все снилась любимая столица и девушка любимая во сне.

Они не чувствовали сколько времени прошло. Пока Рина не поняла, что пора и ей выполнять задание.

Крепко обнявшись, они присели на кровати и Рина стал расспрашивать его о том, что произошло в Росляково в тот роковой день его приезда.

– Валя ты должен мне рассказать все как было на самом деле. Потому, что дело принимает очень крутой оборот. Тебе к сожалению я всего рассказать не могу, но ты должен понимать, что тобой виденное имеет может быть очень важное для нашей родины значение.

– Да ты что Риночка. Ты же видишь. Что со мной сделали.

– Не все люди у нас такие безголовые. Ты бы мог нарисовать этот космический корабль?

– Конечно – сказал Валька – вот только нет карандашей и бумаги.

– Я все это принесла. – сказала Рина и вытащила из портфеля заранее приготовленные бумагу и карандаши.

Валя взял все это и усевшись поудобнее стал рисовать. Рина, влюбленными глазами смотрела как творит ее любимый художник.

– Как все таки несправедливо. Берут талантливых людей и бросают их сюда. Вместо того что бы дать возможность им

творить свободно и творчески, – с горечью подумала она. – а за это время его всего обрывают, отобьют охоту и желание творчески действовать.

У нее на глазах навернулись слезы. Она отвернулась и ее взгляд упал на противоположную стенку. Она вся вздрогнула. Прямо на нее смотрела она сама в своей удивительной впечатляющей силе. Как будто она живая была высечена в стене. Была видна ее объемность и живость. Так мог нарисовать только настоящий художник, истинно влюбленный в свою идеальную модель.

– Валька какой ты талантливый – воскликнула она, потрянув кольцами своих волос. – Как это прекрасно.

– Это я для своей творческой поддержки. Только любовь к тебе меня и укрепляет. Не то бы давно уже погорел.

– Как бы я хотела этот кусок стены взять себе на память.

– Вот станешь строителем, подпишешь подряд на ремонт гауптавахты и тогда можешь и взять.

– Или стану бизнесменом и тогда приеду в Советский Союз и куплю эту стену. – подумала про себя Рина и решила, что это будет в перспективе неплохое вложение капитала. Тем более что наверняка ремонта здесь не предвидится и в ближайшие сто лет, так как и так не могут краску-то для военных кораблей найти или сменить старую технику на новую.

– Вот я нарисовал тебе несколько эскизов. Это то что я увидел в реальности. Ты сама понимаешь, что было темно и

только свет луны позволял мне что-то разглядеть.

Валя протянул ей рисунки. На них Рина увидела корабль странной формы и стоящие около него существа в скафандрах. Все это впечатляло и давало некоторые представления о реальности того что действительно увидел матрос. Эти картины были как фрагменты из фантастических книг или фильмов.

– Валя вот и настает наш миг прощания – сказала она со слезой в голосе, так как понимала, что пора.

Они обнялись и, с трудом оторвавшись от него, она вышла.

– Вот и наступило мое настоящее прощание с родиной. Но я думаю, что память о моей первой настоящей любви останется со мной на всю оставшуюся жизнь, – с особым теплом подумала она и нежно погладила свой упругий живот. Ей даже показалось, что там что-то застучало и зашевелилось. Конечно же мне будет нужно в случае чего опираться на поддержку своих родных соотечественников. Генетически такая поддержка будет более надежнее там за рубежом.

Во всяком случае будет кому сказать, что я как мать не была врагом народа.

Для анализа надо использовать все

На следующее утро она поехала в Росляково в воинскую часть, в которой служил Валя Хлызов. Рина прекрасно знала, где располагаются воинские части. И в скором времени нашла ее.

В часть ее пропустили, так как она заранее надела свою военную форму старшего лейтенанта медицинской службы и взяла необходимые документы с целью проверки санитарного состояния в данной части на предмет выявления различных насекомых, зверей, мышей, тараканов и крыс.

Это ей позволяло практически бывать и проверять все места, начиная от камбуза, матросских казарм и вплоть до офицерских комнат в общежитии.

Мельком пробежав в сопровождении местного фельдшера по всему пространству воинской части, она устремилась в офицерское общежитие. Скорее всего это был барак на территории части в котором жило несколько холостых офицеров. Барак был построен добротно. Он был утеплен, но все равно холодные заполярные вьюги там выдували все тепло и поэтому постоянно топились печка. Рина в сопровождении фельдшера вошла и стала последовательно и внимательно просматривать комнаты. Наконец, она дошла до комнаты лейтенанта Требова.

Его не было в комнате, так как в это время по телефону

его вызвали в часть для проведения каких-то проверок среди личного состава согласно телефонограммы, полученной из штаба флота. Рина мысленно поблагодарила своих коллег из особого отдела флота, которые помогали ей в этой работе.

Она обыскала всю комнату, но бутылки не нашла.

– Что это вы товарищ старший лейтенант все так основательно ищите. Лейтенант Требов такой чистюля каких свет не видывал. Ему из Ленинграда высылают очень много специальных химикатов, что он чуть ли не каждую неделю тут все чистит. Да и сам он мне говорил, что его мама нет терпит грязи и это ему передалось по наследству.

– Да видать действительно чистюля. Ничего тут не найти.

Рина огорчилась. Но делать было нечего, так как действительно нигде не было той злополучной бутылки.

Рина вышла на улицу и холодный морозный воздух ее опьянил и освежил после химически уплотненного воздушного пространства комнаты Требова. Она пошла по улице к поселку Росляково вдоль того самого злополучного забора к автобусной остановке. Рина дошла до того места, где Валька увидел свой инопланетный корабль. Она остановилась и мысленно представила как плавно огромный космический пришелец опускается на Землю перед изумленным матросом. Она сразу поняла все величие и волнение Вальки.

– Действительно на его месте немудрено было и литр водки выпить, чтобы придти в себя. Я бы наверное тут же родила.

Рина напряглась от волнения и тут же к ней пришла спасительная мысль. Около забора валялось несколько пустых водочных бутылок. По всей видимости некоторые разгильдяйские моряки сюда бегали и выпивали и оставляли здесь следы своих неуставных поступков, граничащих с воинскими преступлениями.

Она взяла одну из бутылок, которая была почище и подошла к центру площадки. На ней на фоне белого снега были видны грязные следы, которые по всей видимости оставил инопланетный корабль. Рина руками сгребла мокрый снег с этой черной грязью и набила целую бутылку.

– Ну и дура же я – отругала себя Рина – Не надо было столько времени тратить на поиски. Все равно следы то остались. Можно было бы ученых сюда пригласить. Правда все это будет очень сложно сделать. Секретная часть, особая зона. Сперва надо подать докладную на имя командующего. Потом надо еще найти и ученых, которые занимаются этими проблемами. И есть ли они такие на самом деле? Это надо будет наверное в Главном управлении лагерей и исправительных заведений и психушках их искать. Потом начнутся проверки и поднимется такая бумажная карусель, что по всей видимости дело так и заглохнет из-за бумажного забора.

Бутылку она бережно положила в свою сумку и пошла к автобусной остановке. Через час она была уже дома.

Рина вынула бутылку из сумки и положила ее на стол.

Мокрый снег вскоре растаял и в бутылке оказалась жидкость желтовато-коричневого цвета. Она манила своей загадочностью. Рина не удержалась и позвонила Джорджу.

Заграница поможет

– Джордж, послушай, я достала о чем мы с тобой говорили и что ты просил. Срочно давай встретимся.

– О кей – согласился Джордж. – Давай заезжай ко мне.

Рина переделалась в гражданское платье и поехала к нему. Джордж жил в доме специально построенном для ответственных работников Мурманского обкома партии. В нем жили также приезжающие на работу в Советский Союз иностранцы.

У входа сидела привратница. Это была вышедшая недавно в отставку сотрудница КГБ Зина Прихватилова. Она знала, что Рина имеет отношение к ее бывшей работе, так как однажды видела ее выходящей из отдела разведки. Но виду не подавала, так как полагала, что Рина выполняет какое то очень важное задание. Зина всю жизнь мечтала работать в разведке и пить шампанское в кругу красивых и коварных вражеских агентов. Но из-за ленности она завалила экзамены по иностранным языкам и поэтому ей пришлось всю жизнь довольствоваться в качестве делопроизводителя в секретном отделе местного судостроительного завода. Она всю жизнь просидела за канцелярским на столом, мысленно ощупывая кобуру у себя подмышкой и перебирая различные циркуляры и иные бумажки. Поэтому эта практика перешла к ней и в последующей после отставки работе. Зина придирчиво про-

веряла документы у всех входящих, в том числе и у Рины. Она ее останавливала, так же как и других девиц, которые разодетые и в дорогих меховых шубах и в нарядах, сверкая драгоценными украшениями и благоухая дорогими духами ходили к знакомым иностранцам в квартиры для дружеских бесед и укрепления международного сотрудничества между странами с различным видом общественного строя. Зина как человек инструктированный видела в них тех самых бесстрашных разведчиц, которые прошли на ее место. Поэтому она иногда озлоблялась на них и всячески вымещала свою злобу от неудовлетворенности советским образом жизни.

Бывших чекистов не бывает

Зина проверяла не только документы, но также требовала, чтобы ей показывали и содержимое своих сумок. Было опасение, как ей казалось, что могут появиться террористы и устроить акт на кого-нибудь из членов обкома или горкома. И она, Зина бывший сотрудник КГБ, взяла на себя эту нелегкую работу по защите всех мужских партийных членов, которые проживали в этом доме.

Она надеялась, что может в конце концов появиться тот самый террорист, который и даст ей тот шанс, для проявления героического подвига. Но напряжение нарастало, а желаемый террорист не приходил. По всей видимости он не знал, что тут можно отличиться, или возможно эти такие деловые и снующие туда и сюда члены действительно никому не были нужны.

Рина развернула сумку и та увидела в ней бутылку, при этом недопитую. Это Зину насторожило. Потому, что это было не характерно для советских людей.

– Рина! Как это понимать? – возмутилась она. – вы уже как не советские люди с недопитыми бутылками ходите. Ничего уже по дороге прикладываетесь. Я вон в иностранных фильмах видела. Так и норовят из горла хлебнуть. При этом не то, чтобы залпом. Чтобы никто не видел. А то этак с вызовом. Хлебнут и потом говорят что-то. Потом опять хлеб-

нут и опять говорят. И вы туда же. Нельзя вы такая молодая и красивая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.